

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ С. КАТКОВОЮ

ТОМЪ СТО ДЕВЯНОСТО ПЕРВЫЙ

1887

О К Т Я Б Р Ъ

СОДЕРЖАНІЕ:

-
- I. РОССИЯ, АНГЛІЯ И ПРУССІЯ 1787—1791 ГОДОВЪ. Гл. I—IX. **А. Г. Бригнера.**
 - II. ДВАЖДЫ ВЕСНЫ НЕ БЫВАЕТЪ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. **Б. М.**
 - III. СТИХОТВОРЕНІЯ: 1. Горная высь.—II. „Ты вся въ огняхъ твоихъ зарница“. **А. А. Фета.**
 - IV. ПОЛИТИЧЕСКІЙ РАЗВРАТЪ: „НАРОДОВОЛЬСТВО“ И „НАРОДОВОЛЬЦЫ“ (ТЕРРОРИСТЫ). Опытъ анализа. Гл. II—III. **Н. В. Щербаня.**
 - V. МОЛОДЕЖЬ. Романъ. Гл. IV—VII. **К. Орловскаго.**
 - VI. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ. **Ольги Н.**
 - VII. НАШЪ НОВЫЙ ПУТЬ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ. Статья первая. Русскіе за Каспійскимъ моремъ 912—1879 гг. **Ю. Н. Милютинъ.**
 - VIII. ДЖИННЫ. (На мотивъ Виктора Гюго.) **Л. П. Бѣльскаго.**
 - IX. НА РАЗВАЛИНАХЪ ТРОИ. Гл. I—III. **А. В. Елисеѣва.**
 - X. НЕДОРАЗУМѢНІЕ. Новелла Dito Idem. **А. П.**
 - XI. МУЗЫКАЛЬНАЯ ХРОНИКА. **Г. А. Лароша.**
 - XII. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА. **Д. В.**
 - XIII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. I. Необходимость реформы мѣстнаго управленія.—Новыя правила приѣма въ гимназій. **Д. Ц. Экономическое обозрѣніе. Н. Н.**
 - XIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Болгарскій вопросъ. **З. З.**
 - XV. БИБЛИОГРАФІЯ. Книги вышедшія за послѣдній мѣсяцъ.

НАШЪ НОВЫЙ ПУТЬ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

РУССКІЕ ЗА КАСПІЙСКІМЪ МОРЕМЪ

912 — 1879 гг.

Была пора когда мусульманскій писатель могъ сказать про Черное Море что оно „называется *Русскимъ* моремъ, потому что они только (Русскіе) по немъ плавають“. Вернется ли когда-нибудь это время, покажетъ будущее; но неподалеку отъ Чернаго есть другое море, Каспійское, къ которому приведенныя слова Масуди вполне примѣнимы и теперь, такъ какъ волны его не видятъ другаго флага кромѣ нашего.

Составляя какъ бы естественное продолженіе Волги, Каспійское море самою судьбой, кажется, предназначено быть русскимъ озеромъ. Въ настоящее время вся водная поверхность его и почти всѣ берега политически принадлежатъ Русскому государству. Оно наше не только силой оружія, но нѣкоторымъ образомъ и по праву созданія; очертаніе свое на географическихъ картахъ и вообще научное описаніе оно получило трудами русскихъ изслѣдователей; матеріальное богатство, суда плавающія по немъ, промышленныя и торговыя сооруженія по его берегамъ также созданы нашими соотечественниками; наконецъ, самое значеніе которое оно начинаетъ получать въ жизни современнаго человѣчества, какъ путь между Европой и Азіей, есть плодъ развивающейся дѣятельности Россіи.

I.

Знакомство Каспія съ русскими мореходами началось не съ вчерашняго дня. Съ начала X вѣка, по свидѣтельству арабскихъ писателей, наши предки спускались по Волгѣ въ Каспійское море и переплывали его къ любому берегу, Джорджанскому, Рейскому или Ширванскому; у послѣдняго какой-то островъ получилъ даже названіе *Джезире-эль-Русіе*, то-есть Русскаго острова; иногда они совершали грабительскія нападенія на приморскія области, иногда же мирно торговали, но въ томъ и другомъ случаѣ не рѣдко проникали далеко внутрь страны. Послѣ набѣговъ Половцевъ, нашествіе Татаръ отрѣзало Русь отъ Каспійскаго моря и положило конецъ начинавшемуся преобладанію ея въ тѣхъ краяхъ. Взаимныя сношенія не были однако прекращены совершенно; русскимъ князьямъ и митрополитамъ вздвигшимъ въ Орду за ярлыками не разъ приходилось плавать по волнамъ Каспійскаго моря; купцы также иногда проникали за него, и одинъ изъ нихъ, Тверитянинъ Аѳанасій Микитинъ, оставилъ описаніе подобнаго путешествія въ своемъ *Хожденіи за три моря*; въ XV и XVI вѣкахъ русскіе рыболовы промышляли близъ устьевъ Волги и Урала, но сила была на противной сторонѣ, и даже послѣ паденія Золотой Орды, Иоанну III приходилось жаловаться что ихъ притѣняли Татары. За то послѣ покоренія Астрахани дѣло сейчасъ же пошло на старый ладъ, и русская вольница стала снова хозяйничать на Каспійскомъ морѣ; въ концѣ XVI вѣка вольные люди, разрушивъ татарскій городъ Сарайчикъ на нижнемъ Уралѣ, основали тамъ Яицкое казачество и не замедлили распространить свои разбои далеко во все стороны проникая съ атаманомъ Нечаемъ въ Хиву, а со Стенькой Разинымъ въ Персію. Но на этотъ разъ за вольницей стояло сложившееся крѣпко государство. Оно старалось уменьшить грабежи и развивать торговые сношенія; кулеческія поѣздки участились; само правительство посылало надежныхъ людей чтобы открыть торговлѣ *Ходъ въ Персидское царство и изъ Персиды въ Турецкую землю и въ Индію и въ Урмузъ, гдѣ корабли ходятъ*, и не русской торговлѣ только, но и западнымъ Европейцамъ; въ 1558 году Англичанинъ Дженкинсонъ достигаетъ Бухары съ грамотами отъ Московскаго царя; онъ же и Борроу (1580) открываютъ торговлю съ Персіей; Олеарій переплываетъ Каспійское море на русскихъ судахъ (1637). При царѣ

Алексѣй Михайловичъ, Тихайшемъ предвѣстникъ своего Великаго сына, заключенъ особый договоръ съ армянскими купцами о направленіи персидской шелковой торговли исключительно черезъ Россію; при немъ же былъ сооруженъ первый русскій корабль *Орелъ*. Корабль этотъ строили и управляли имъ послѣ спуска въ море нарочно выписанные англійскіе мастера, такъ какъ русскіе еще не могли думать ни о томъ, ни о другомъ, и когда онъ погибъ въ Астрахани во время Разинскаго возмущенія, втораго построено не было. *

Въ томъ же году родился Петръ.

У Петра дѣло спорилось. Создавая въ упорной борьбѣ русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ, онъ не забывалъ и Каспія. Какъ по манію волшебнаго жезла явились у императора исполнители изъ природныхъ русскихъ, лишь съ иностранными званіями и со знаніями, которыя прежде казались привилегіей иностранцевъ. Лейтенанты Кожинъ, Травинъ, Соимоновъ, князь Урусовъ извѣдвали Каспійское море по всѣмъ направленіямъ, описывая и нанося на карты его побережья, между тѣмъ какъ сухопутная экспедиція изслѣдовала предполагавшееся русло Аму-Дарьи. Изъ нихъ Кожинъ прославился своею оппозиціей противъ безразсудныхъ дѣйствій князя Бековича-Черкаскаго, а Соимоновъ, бывшій въ послѣдствіи сибирскимъ губернаторомъ и андреевскимъ кавалеромъ, оставилъ прекрасное *Описаніе Каспійскаго моря*.

Результатомъ предпринятыхъ Петромъ изслѣдованій, кромѣ выгодъ для русской торговли, было географическое открытіе Каспійскаго моря, и когда Петръ совершалъ свое торжественное путешествіе по Европѣ, онъ удивилъ Парижскую Академію, сообщивъ ей впервые о томъ что существуетъ на свѣтѣ Аральское море и что Окесъ впадаетъ въ него, а не въ Каспій, и бѣгло начертивъ своею царственною, хотя варварскою, какъ думали Франгузы, рукой карту послѣдняго, совершенно не похожую на всѣ прежнія, но за то согласную съ дѣйствительностью; въ послѣдствіи Петръ отправилъ въ Парижъ составленную по его приказанію подробную морскую карту Каспія.

При Петрѣ Великомъ Каспійское море было близко къ тому чтобы стать дѣйствительно русскимъ озеромъ, но его слабыя

* Любопытный сводъ данныхъ о древней русской торговлѣ съ Азіей черезъ Каспійское море сдѣлалъ Ю. П. Проценко. См. *Соображенія о желѣзнодорожномъ дѣлѣ на Кавказѣ*. Тифлисъ. 1879 года.

преемники не въ силахъ были удержать покоренныя имъ области, и императрица Анна возвратила Персію Гілянъ и Мазандеранъ. Это не значило однако чтобы Россія отказывалась отъ Каспійскаго моря. Сохранился построенный Петромъ флотъ, первый и единственный когда-либо бывшій на Каспіи, и въ немъ сохранилась сила предъ которою должны были склоняться всѣ обитатели каспійскихъ побережій. Астраханскіе губернаторы первой половины XVIII вѣка были люди дѣльные, сперва Артемій Волынскій, потомъ Татищевъ, извѣстный историкъ; благодаря ихъ дѣятельности значеніе Россіи не пало, торговля развилась, а грабежи уменьшались.

Морскою разбой составляетъ едва ли не самую замѣтную черту въ исторіи Каспійскаго моря. Съ легкой руки нашихъ предковъ, древнихъ Руссовъ, оно проходитъ черезъ цѣлое тысячелѣтіе, а въ описываемое время принимаетъ такіе размѣры что читая старыя извѣстія, приходится удивляться какъ пиратство не уничтожило совершенно торговли. Во всякомъ случаѣ оно создавало ей не шуточное препятствіе. По объясненію Ганвея * неопыченность отъ грабежа были главною причиною остановившей въ зародышѣ англійскую торговлю на Каспіи въ XVI и XVII вѣкахъ; одни русскіе и армянскіе купцы могли продолжать свои обороты, не взирая на всѣ опасности, изъ чего можно заключить либо что въ прежнее время русскіе торговцы были много предприимчивѣе англійскихъ, либо что русскіе разбойники грабили только иноземцевъ. Впрочемъ, мусульманскіе хищники, Туркмены, Ногаи и Лезгины, довольно причиняли убытковъ нашей торговлѣ; такъ въ 1712 году купецъ Евреиновъ, ограбленный Лезгинами, потерялъ товаровъ болѣе чѣмъ на 200.000 копѣекъ. Усиленіе Русской державы при Петрѣ и въ особенности созданіе каспійскаго флота скоро положили предѣлъ дальнѣйшимъ разбоямъ; установилась сравнительная безопасность и вслѣдъ за нею русская торговля на Каспіи развилась въ такой мѣрѣ... что сюда вновь пожаловали Англичане.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка Джонъ Эльтонъ, бывшій офицеръ русской службы, основалъ въ Англіи компанію для торговли съ Персіей и Среднею Азіей черезъ Петербургъ,

* Jonas Hanway, англійскій торговецъ, издалъ *Описаніе своихъ путешествій изъ Лондона въ Россію и Персію (1742—1750)*, содержащее многобопытныя свѣдѣнія объ исторіи Каспійскаго моря въ первой половинѣ прошлаго вѣка. (Нѣмецкій переводъ: Hamburg und Leipzig 1754.)

Волгой и по Каспійскому морю; англійскій парламентъ и самъ король отнеслись вполне сочувственно къ новому обществу и оказали ему сильную поддержку; Русское правительство также приняло его подъ свое покровительство, желая воспользоваться выгодами транзитной торговли. Благодаря этому Англичане построили себѣ корабли на Волгѣ и получили значительныя льготы. Въ то время надъ Персіей царствовалъ Надиръ-шахъ и быстрые успѣхи его не безъ основанія безпокоили русскихъ государственныхъ людей; торговымъ судамъ было запрещено ходить къ персидскимъ портамъ изъ опасенія что шахъ ихъ задержать для перевозки своихъ войскъ, и торговля черезъ Каспій велась исключительно на казенныхъ корабляхъ; но на вновь образовавшуюся компанію это стѣсненіе распространено не было и судамъ ея разрѣшено подъ англійскимъ флагомъ посѣщать берега Персіи, правительство которой со своей стороны послѣдшило предоставить Англичанамъ самыя широкія права и преимущества въ ихъ торговыхъ дѣлахъ. Несмотря однако на столь благоприятныя условія Англичане съ трудомъ выдерживали конкуренцію русскихъ и армянскихъ купцовъ, болѣе ихъ знакомыхъ съ мѣстностью; въ торговомъ отношеніи дѣла компаніи шли плохо, а въ политическомъ они приняли оборотъ который и не грезился ея петербургскимъ покровителямъ. Едва англійскіе корабли прибыли къ персидскимъ портамъ, какъ они немедленно занялись перевозкой сперва провіанта, а потомъ и войскъ для предпринятаго Надиромъ покоренія Дагестана на западномъ берегу моря и Туркменъ на восточномъ. Вскорѣ самъ Эльтонъ, съ нѣсколькими мастерами, перешелъ на службу шаха и построилъ для него въ Мазандеранѣ двадцатипушечный корабль. Въ виду этого въ 1745 году Русское правительство предписало Англичанамъ продать свои суда русскимъ купцамъ, а черезъ два года совершенно запретило имъ торговлю на Каспійскомъ морѣ. Такъ кончилась основанная Эльтономъ компанія; другая его затѣя—созданіе Персидскаго флота—пала сама собою со смертію шаха Надира въ томъ же году, а самъ онъ погибъ во время наступившихъ въ Персіи смутъ. Но урокъ этотъ не пропалъ даромъ для Россіи, и съ тѣхъ поръ наше правительство ревниво наблюдало чтобъ на Каспій не появлялось иностраннаго флага, пока наконецъ исключительныя права Россіи въ этомъ отношеніи не были окончательно утверждены Туркменчайскимъ договоромъ.

Въ теченіе второй половины прошлаго столѣтія покореніе ногайскихъ Татаръ, усмиреніе Яицкихъ казаковъ послѣ Пугачев-

скаго бунта и вообще развитие гражданственности въ областяхъ присоединенныхъ къ Россіи имѣли послѣдствіемъ дальнѣйшее уменьшеніе морскихъ разбоевъ, которые скоро перестали оказывать замѣтное дѣйствіе на торговлю. Впрочемъ послѣдняя подвліяніемъ таможенныхъ стѣсненій развивалась слабо. Лишь въ началѣ XVIII и концѣ XIX вѣка, во время войнъ Франціи съ Англіей, слабымъ отголоскомъ упадка океанской торговли сказалось нѣкоторое оживленіе въ сношеніяхъ не только Оренбурга, но и Астрахани съ азіатскими странами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе начали утверждаться за Кавказомъ. Послѣдовательное занятіе всего западнаго берега Каспія, давъ Россіи Дербентъ и Баку, еще усилило нашу власть на морѣ. Персидскія войны утвердили ее за нами окончательно и Туркменчайскій миръ 1828 года придалъ officialную санкцію традиціонному праву Россіи быть единственной морскою державою на Каспіи. Съ этого дня начинается тотъ порядокъ вещей который въ общемъ продолжается до сихъ поръ.

Приобрѣтя Каспійское море Россія занялась своею новою собственностью довольно серьезно. Въ 1743 году составлена вторая карта его; въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка произведены новыя изслѣдованія береговъ, на основаніи которыхъ въ 1826 году изданъ морской атласъ Колодкина считавшійся въ свое время превосходнымъ не только въ Россіи, но и за границей. Наконецъ въ настоящее время существуютъ еще лучшія карты, основанныя на промѣрахъ гидрографической экспедиціи семидесятихъ годовъ, такъ что въ морскомъ отношеніи Каспійское море едва ли не лучше изучено прочихъ русскихъ морей. Кроме того, безчисленныя научныя экспедиціи и отдѣльные ученые съ конца прошлаго вѣка обогатили науку цѣлымъ рядомъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ знанія касательно Каспійскаго водоема.

Получивъ исключительное право имѣть военныя суда на Каспійскомъ морѣ, Россія тѣмъ самымъ приняла на себя обязанность заботиться о безопасности судоходства отъ грабежей. Въ то время весь западный берегъ Каспія принадлежалъ Россіи, южный населенъ миролюбивыми Персами и только на восточномъ берегу оставались неукротенными хищническія племена Киргизовъ и Туркменъ, изъ которыхъ первые хотя и признавали себя подвластными Россіи, но не стѣснялись выѣзжать въ море грабить и заирать въ лѣвнѣ русскихъ мореходовъ совершенно такъ же какъ и исконныя каспійскіе пираты—Туркмены. Правда,

эти разбойники рѣдко отваживались нападать на большія торговыя суда, а по большей части избирали жертвами отдѣльных рыбаковъ выѣхавшихъ въ море безоружными. Тѣмъ не менѣе о размѣрѣ ихъ злодѣяній можетъ дать понятіе то обстоятельство что изъ 419 русскихъ плѣнныхъ освобожденныхъ отъ хивинскаго рабства послѣ похода Перовскаго въ 1840 году, 317 чело-вѣкъ были захвачены на морѣ; между тѣмъ извѣстно что ханъ отпустилъ при этомъ лишь небольшую часть изъ томившихся въ неволѣ русскихъ плѣнниковъ. Для прекращенія этого зла сперва учреждено было военное крейсерство какъ въ сѣверной рыболовной части моря, такъ и въ южной по туркменскому и персидскому берегу; затѣмъ устроены и морскія станціи для крейсеровъ. Въ 1836 году основано въ заливѣ Мертвый Култукъ Александровское укрѣпленіе, въ послѣдствіи перенесенное на самую оконечность Мангышлака въ Тюбъ-Караганскую бухту и называемое теперь Александровскимъ фортомъ. Въ сороковыхъ годахъ, по соглашенію съ Персидскимъ правительствомъ, устроена морская станція на островѣ Ашуръ-Ада въ Астрабадскомъ заливѣ. Мѣры эти принесли свои плоды; киргизскіе грабежи совершенно прекратились, а туркменскіе стали гораздо рѣже, въ особенности по близости къ Ашуръ-Адинской станціи. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству г. Филиппова, „до 1870 года южнѣе Карабугаза никто не смѣлъ заняться промысломъ рыболовнымъ изъ боязни разбоевъ отъ Туркменъ“. * Было ясно что наши морскія станціи слишкомъ далеки одна отъ другой для полного прекращенія пиратства; тѣмъ не менѣе правительство не рѣшилось занять третій пунктъ на восточномъ берегу Каспія, предвидя что такой шагъ могъ стать началомъ дальнѣйшаго труднаго движенія. Неоднократныя предложенія разныхъ путешественниковъ и администраторовъ, и даже просьбы самихъ Туркменъ о занятіи того или другаго пункта, долго отклонялись, пока наконецъ настоятельно ощущаемая необходимость въ связи съ измѣнившимся политическимъ положеніемъ Средней Азіи не вызвали въ 1869 году основанія Красноводска. Желаемая цѣль была достигнута вполне, и съ этого дня о грабежѣ на морѣ болѣе не слышно, такъ что въ послѣднее время стали даже раздаваться голоса въ пользу упраздненія каспійской военной флотиліи, какъ учрежденія совершенно излишняго, ибо ничто на этомъ морѣ не можетъ болѣе угрожать миру.

* *Морская географія Каспійскаго водоема или лоція.* Москва. 1885, стр. 227—8.

Между тѣмъ торговля и судоходство по Каспійскому морю росли параллельно съ развитіемъ производительныхъ силъ Россіи. Во время долгой войны на Кавказѣ предметы снабженія для войскъ по большей части доставлялись съ Волги къ восточнымъ кавказскимъ пристанямъ и движеніе это вызвало устройство Петровскаго порта. Съ умиротвореніемъ Кавказа пробудилась и мѣстная производительность края; въ особенности сильный толчекъ дало каспійскому пароходству открытіе громаднаго бакинскаго нефтянаго производства; благодаря ему торговый флотъ на Каспій получилъ сразу и топливо, и грузы, и капиталъ для дальнѣйшаго расширенія, которое дѣйствительно пошло чрезвычайно быстро. Въ недавнее время новымъ шагомъ въ томъ же направленіи, хотя и менѣе важнымъ, было открытіе Закавказской желѣзной дороги, установившей связь Каспійскаго моря съ Чернымъ.

II.

Внѣшняя торговля съ Персіей развивалась до послѣдняго времени гораздо медленнѣе внутренней. Вообще нельзя не замѣтить что совершившееся недавно умноженіе сношеній по Каспійскому морю пришлось главнымъ образомъ на долю его европейскихъ береговъ, сѣвернаго и западнаго, между тѣмъ какъ оба азіятскіе берега продолжали оставаться въ прежнемъ положеніи.

Южное побережье Каспія состоитъ изъ областей Гиліана и Мазандерана, которыя принадлежатъ къ самымъ производительнымъ мѣстностямъ Персіи; за ними находятся богатый Азербейджанъ и Персидскій Иракъ; изъ Гиліана расходятся кратчайшія дороги отъ Каспійскаго моря во всѣ концы собственной Персіи и Месопотаміи, къ древнимъ городамъ Экбатанъ, Сузамъ, Ниневіи, къ Вавилону и его младшему сосѣду, роскошному Багдаду. Рядомъ съ Мазандераномъ, въ самомъ юговосточномъ углу Каспійскаго моря, гдѣ въ него впадаютъ Гюргень и Атрекъ, лежитъ область извѣстная въ древности подъ именемъ Гирканіи, а у Арабовъ называвшаяся Джорджаномъ; въ томъ и другомъ словѣ не трудно узнать названіе первой изъ этихъ рѣкъ. Въ настоящее время страну эту занимаютъ кочевья Туркменъ, Юмудовъ и Гоклановъ, и благосостояніе ея конечно въ уладкѣ; тѣмъ не менѣе и новѣйшіе путешественники съ восторгомъ говорятъ о ея цвѣтущихъ долинахъ. Древніе Греки дали ей прозваніе „счастливой“, а арабскіе писатели описываютъ ее какъ страну чрезвычайно богатую. О высокой степени ея культуры въ прежнія

времена свидѣлствуютъ многочисленныя развалины; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ древній городъ Мясъ-Дебрянъ, находятся къ сѣверу отъ Атрека въ безводной теперь пустынѣ и пользовались рѣчною водою изъ водопроводовъ построенныхъ съ громадными трудностями на большое разстояніе, что свидѣлствуетъ о весьма густомъ народонаселеніи. Благополучіемъ своимъ Джорджанъ обязанъ былъ вѣроятно не только плодородной почвѣ, но и счастливому географическому положенію; ограниченный съ сѣвера и юга большими пустынями, онъ лежалъ на единственномъ пути соединяющемъ Хоросанъ съ Западною Азіею и Каспійскимъ моремъ; сюда стекались товары изъ Нишапура, Мешада и Герата, изъ которыхъ шли пути на сѣверовостокъ въ Бактрію и Маверанагръ, то-есть Бухару и Самаркандъ и на юговостокъ въ Индію; товары эти направлялись къ многолюдному городу Абескуну, который долго былъ главнымъ портомъ на Каспійскомъ морѣ и по преданію былъ въ послѣдствіи поглощенъ его волнами.

Такимъ образомъ именно у южнаго побережья Каспія сходились пути изъ всей Средней и Западной Азіи къ этому морю. Послѣднее имѣло не малое значеніе въ торговлѣ прошедшихъ вѣковъ. Оно гораздо доступнѣе для судоходства чѣмъ Индійскій океанъ, а черезъ Волгу оно сообщалось съ одной стороны съ Дономъ и Чернымъ Моремъ, съ другой, съ сѣверо-восточною Европой.

Страбонъ указываетъ на торговый путь отъ Каспія къ Черному Морю, идущій за Кавказомъ по долинамъ Куры и Риона къ греческимъ колоніямъ въ Колхидѣ. Другой путь изъ Каспійскаго моря уже въ древнѣйшія времена шелъ по Волгѣ до нынѣшняго Царицына, черезъ Волжско-Донской волокъ и внизъ по Дону въ Азовское море; здѣсь также при устьѣ Дона и при Босфорѣ Киммерійскомъ лежали колоніи древнихъ Грековъ. Въ послѣдствіи путь этотъ получилъ вѣроятно первенствующее значеніе, какъ можно заключить изъ развитія и процвѣтанія Восточнаго царства. Еще позднѣе на нижней Волгѣ возникло Хазарское государство, съ торговою столицей, знаменитымъ Итилемъ, имѣвшимъ значеніе рынка между Европой и Азіею; Хазары владѣли всѣмъ путемъ изъ Каспія въ Понтъ Эвксинскій, а на послѣднемъ богатымъ Сурожемъ въ Крыму; тамъ же лежала передовая факторія Грековъ, Херсонесъ Таврическій, и оба города служили посредниками для торговыхъ сношеній Запада съ Востокомъ. Въ VII вѣкѣ появились на Каспійскомъ морѣ Арабы; сперва между Арабами и Хазарами шла ожесточенная война, но

съ начала IX вѣка установились надолго мирныя торговыя сношенія, такъ что, разказывая объ ограбленіи каспійскихъ побережій Русскими въ 912 году, Масуди замѣчаетъ что „жители давно не видали никого кромѣ купцовъ и рыболововъ на семь морѣ“. * Для арабской торговли Черное Море было закрыто Византійскою имперіей, а можетъ-быть и грабежами Руссовъ, и она проложила себѣ путь вверхъ по Волгѣ къ Болгарамъ, а отъ нихъ къ Балтійскому морю.

Когда мѣсто Хазаръ заняли Монголы, а въ Византіи появились крестоносцы, въ Черное Море проникли торговыя италіянскія республики Венеція и Генуя; ихъ колоніи замѣнили въ Крыму и на Азовскомъ морѣ разрушенныя греческія и каспійская торговля вновь направилась въ Европу по Волгѣ и Дону; послѣ взятія Константинополя Турками генуезскія колоніи лали и Черное Море вторично закрылось для торговли.

Вслѣдъ затѣмъ европейскіе народы открыли морской путь въ Индію и въ Персидскій заливъ. Немного спустя Астрахань вошла въ составъ Московскаго государства. Русскіе заодно съ Англичанами попробовали вновь воспользоваться Волгой чтобы направить по ней азіатскую торговлю въ Европу, на этотъ разъ при посредствѣ Бѣлаго Моря, но, какъ мы видѣли, отсутствіе порядка на Каспіи не дало осуществиться этому грандіозному замыслу. Черезъ полтора столѣтія, когда Петръ Великій возстановилъ спокойствіе на юго-востокѣ своей державы, а на сѣверо-западѣ открылъ ей доступъ къ Балтійскому морю, обстоятельства казалось бы благопріятствовали возстановленію торговаго пути открытаго когда-то Арабами и Варягами. Но было уже поздно; большая часть азіатскихъ рынковъ была закрѣплена за мореходными народами, и въ восемнадцатомъ вѣкѣ піонеры Каспійскаго моря думали только о торговлѣ сѣверныхъ областей Персіи Ширвана (нынѣшней Бакинскій губерніи), Гиляна, Мазандерана и Хоросана; только пылкій Джонъ Эльтонъ думалъ чрезъ послѣднюю страну установить сношенія со Среднею Азіей и даже долиной Инда, но уже современникъ и сотрудникъ его Ганвей не вѣрилъ въ исполнимость его мечты **.

* См. Карамзина. *Исторія Государства Россійскаго*. Т. I, прим. 364.

** Впрочемъ еще въ 1801 году извѣстенъ случай перевозки товаровъ изъ Багдада въ Константинополь по старому арабско-хазарскому пути, черезъ Каспійское море, Астрахань, Дубовку, Дономъ и далѣе Азовъ.

Было уже сказано что съ тѣхъ поръ русско-персидская торговля мало развивалась; было ли причиной неуспѣха слишкомъ покровительственная таможенная политика, какъ думаетъ большинство иностранцевъ судившихъ объ этомъ предметѣ, или недостатокъ коммерческаго духа въ нашихъ торговцахъ, все равно, но мы дошли до того что у самыхъ нашихъ границъ русскіе товары вытѣснялись изъ Персіи иностранными, привозимыми черезъ трудныя и длинныя выючныя дороги изъ портовъ Чернаго Моря или Персидскаго залива. Лишь въ самое послѣднее время закрытіе закавказскаго транзита кажется оживило предприимчивость московскаго купечества и наша торговля съ Персіей какъ будто воскресаетъ.

Можно надѣяться что она разрастется если въ дѣло будетъ вложена энергія, ибо преимущество болѣе выгодной доставки на нашей сторонѣ и быть-можетъ въ недалекомъ будущемъ вся сѣверная Персія войдетъ окончательно въ сферу нашего торговаго преобладанія. Конечно нельзя ожидать чтобы къ Гилану или Астрабадскому заливу вновь направились товары изъ всѣхъ странъ передней и Центральной Азіи, но средства современной торговли настолько могущественнѣе старинныхъ что мечтаньямъ открывается болѣе обширный кругозоръ. Отъ Каспійскаго моря сравнительно недалеко до Персидскаго залива; какой-нибудь тысячи верстъ рельсоваго пути было бы достаточно чтобы связать Волгу съ Индійскимъ океаномъ...

На подобныя мечтанія даетъ право безпримѣрный экономическій переворотъ только-что совершившійся въ Закаспійскихъ степяхъ.

III.

Восточный берегъ Каспійскаго моря отъ Эмбы до Атрека сплошь представляетъ непріютную пустыню; на всемъ этомъ пространствѣ, болѣе 1.000 верстъ по прямой линіи, нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного мѣста гдѣ бы глазъ могъ отдохнуть на порядочной растительности и мореплаватель занесенный бурей

скимъ моремъ въ Черное. Въ то время наполеоновскія войны затрудняли торговлю на океанахъ и Средиземномъ Морѣ, а возстаніе Вахабитовъ въ Аравіи дѣлало небезопаснымъ путь вдоль Евфрата. (См. Савельева, *Мухаммеданская нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи*. Спб. 1846, стр. CXLIV, ссылка на *Энциклопедическій Лексиконъ*, томъ XVII, стр. 164.)

къ этимъ берегамъ легко рисковалъ бы погибнуть отъ жажды. За береговую линію на сотни верстъ вглубь материка тянется безотрадная степь. Сѣверную часть этой степи составляетъ плоская возвышенность Усть-Уртъ. „Рѣдко можно встрѣтить страну печальнѣе и однообразнѣе Усть-Урта“, говоритъ Гродековъ. * Вода составляетъ рѣдкость; притомъ „неглубокіе колодцы въ твердыхъ породахъ отличаются вообще горько-соленою водою; вода болѣе глубокихъ имѣетъ вкусъ сѣры и запахъ сѣро-водорода, и только очень глубокіе заключаютъ въ себѣ воду прѣсную, но такихъ разумеется на всемъ этомъ пространствѣ очень мало“; глубина подобныхъ колодцевъ доходитъ до 200 футовъ и болѣе.

На западѣ отъ Усть-Урта отдѣляется и глубоко вдается въ море полуостровъ Мангышлакъ. Это сравнительно лучшая часть страны; здѣсь попадаются родники и даже есть нѣсколько деревень.

„Страна къ югу отъ Усть-Урта представляется песчанымъ моремъ, изъ котораго въ видѣ значительныхъ острововъ поднимаются Большіе и Малые Балзаны, Кюранынъ-Кара и Кюренъ-Дагъ. Эта страна Туркменія.“ „Несмотря на весьма различный характеръ полосъ Туркменіи (прибрежной, нагорной и континентальной), онѣ крайне бѣдны влагой. Здѣсь попадаются мѣста гдѣ на пространствѣ въ 300, 500, 1.000 и даже болѣе квадратныхъ верстъ приходится по одной группѣ колодцевъ. При этомъ присутствіе соли въ почвѣ почти повсемѣстно, такъ какъ отложенія ея видны на Узбоѣ, между песками, въ солончакахъ, на Атрекѣ и даже въ обнаженіяхъ Кюренъ-Дага“. ** Растительность прикаспійскихъ степей крайне бѣдна; она состоитъ почти исключительно изъ *саксаула*, этого растительнаго верблюда, какъ его мѣтко прозвали, низкаго, безобразнаго кустика съ сѣроватою зеленью, въ родѣ нашего можжевельника, который растетъ чрезвычайно разбросанно; да весной рѣдкая трава съ яркими цвѣтами покрываетъ барханы на короткое время, пока не сожжется солнцемъ. Барханы представляютъ невысокіе холмы, состоящіе изъ сыпучаго песка, въ который нога погружается на каждомъ шагѣ; при вѣтрѣ верхушки бархановъ дымятся, съ земли песокъ подымается и запыляетъ путнику глаза, заметая вмѣстѣ съ тѣмъ слѣды дорогъ. Въ ближайшей къ морю полосѣ есть другая опасность—визкія солончаковыя топи, втяги-

* *Война въ Туркменіи*. 4 т. СПб. 1883—4. Томъ 1, стр. 7.

** Тамъ же, стр. 10 и 11.

вающія въ себя того кто имѣлъ неосторожность на нихъ ступить. Надъ этою зловѣщею страной пышетъ горячее, безпощадное солнце, и жаръ его отражается со всѣхъ сторонъ почвой, до того раскаленной что часто на нее больно ступить даже обутою ногой.

Такова закаспійская степь. По ея окраинамъ у границъ Хивы и Персіи, въ оазисахъ Мерва и Ахала обитаютъ разныя племена Туркменъ и въ опредѣленные времена года выгоняютъ своихъ тощихъ верблюдовъ на подножный кормъ къ степнымъ колодцамъ, перекочевывая отъ одного къ другому по мѣрѣ истребленія окружающей ихъ скудной растительности. Постояннаго же населенія тамъ нѣтъ и едва ли могло быть.

Исторія Закаспійскаго края представляетъ такую же пустыню, какъ онъ самъ. Древніе греческіе географы знали сравнительно хорошо западную часть Каспійскаго моря, болѣе близкую къ эллинскимъ колоніямъ Понта Эвксинскаго, и имѣли нѣкоторое понятіе о восточномъ берегу Аральскаго, куда впадали Оксусъ и Яксартъ, посвященные войсками Александра Македонскаго, но о мѣстности лежащей между обоими морями они не знали ничего. Поэтому всѣ они смѣшиваютъ оба эти водоема въ одно море, наибольшее протяженіе котораго показывается съ запада на востокъ. Эта безсознательная фигура умолчанія краснорѣчивѣе всякихъ описаній говоритъ объ абсолютной пустынности разсматриваемыхъ странъ въ древнія времена.

Указанный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ классическихъ писателей послужилъ почвой для возникновенія легенды о прежнемъ впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море, которая получила большое распространеніе въ Россіи, особенно въ семидесятыхъ годахъ. Для изученія вопроса о возможности обратнаго поворота этой рѣки къ Красноводскому заливу было командировано нѣсколько ученыхъ экспедицій, изъ которыхъ самая обширная подъ начальствомъ генерала Глуховскаго долго работала на мѣстѣ и уже много лѣтъ занимается разработкой добытыхъ ею данныхъ, что едва ли свидѣтельствуетъ объ ихъ убѣдительности. Вопросъ о поворотѣ Аму-Дарьи породилъ цѣлую литературу; не малую роль въ ней играетъ доказательство историческое, ссылками на древнихъ и арабскихъ писателей. Что касается первыхъ, показанія ихъ крайне сбивчивы и противорѣчивы, иногда же просто нелѣпы, а полное невѣдѣніе ихъ о существованіи Аральскаго моря лишаетъ свидѣтельства ихъ по данному вопросу всякаго значенія. Арабскіе писатели въ общемъ

гораздо обстоятельнѣе, но всѣ лучшіе изъ нихъ говорятъ только о впаденіи Аму-Дарьи въ Аральское море и лишь немногіе, притомъ позднѣйшіе, сообщаютъ о ея прежнемъ теченіи въ Каспій; указанія эти однако весьма неясны, и самымъ положительнымъ выводомъ изъ нихъ обыкновенно является извѣстіе что во время автора Аму текла, какъ и теперь, къ Аралу, хотя преданіе о другомъ направленіи ея въ прошломъ уже существовало; въ этомъ сознаются даже сторонники теоріи перемѣны теченія Оксуса, какъ г. Ленцъ. Вообще въ настоящее время чаще приходится слышать мнѣніе что это пресловутое измѣненіе произошло ранѣе культурныхъ временъ. * Въ нашемъ очеркѣ нѣтъ нужды вдаваться въ предположенія о томъ что могло быть въ доисторическіе періоды; нельзя однако не замѣтить что въ послѣднее время изслѣдованія инженеровъ Лессара, Коншина и князя Гедройца возбуждаютъ сомнѣніе въ томъ чтобъ Узбой и Унгузъ были дѣйствительно высохшими рѣчными руслами; такимъ образомъ подѣ легендой о прежнемъ Оксусѣ почва сильно поколеблена.

Вернемся къ историческимъ свѣдѣніямъ о Закаспійскомъ краѣ. Восточные писатели знаютъ о немъ немного больше греческихъ; говоря подробно о событіяхъ и мѣстности въ Хивѣ, Мервѣ, Хоросанѣ, Джорджанѣ и на Каспійскомъ морѣ, они необыкновенно молчаливы относительно степей лежащихъ между этими мѣстами; даже тѣ изъ нихъ которые повторяютъ извѣстія о прежнемъ теченіи Джейхуна (Аму-Дарьи) къ Каспію не могутъ сообщить никакихъ подробностей о низовьяхъ его, за предѣлами Хивинскаго оазиса. Замѣчаніе это относится не къ

* Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи, академика Ленца, въ *Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.* т. IV 1871 Это самое полное изслѣдованіе по этому предмету въ русской литературѣ. Кромѣ того, очень хорошій разборъ извѣстій древнихъ о Каспійскомъ морѣ сдѣланъ у *Hommaire de Hell, Les steppes de la mer Caspienne* Paris. 1845. т. III. chap. XI. Главнѣйшія извѣстія арабскихъ писателей объ Аму-Дарьѣ приведены также въ статьѣ Н. В. Ханькова, *О перележающихъся измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря въ Зап. Кавк.* отд. II. Р. Г. О. кн. II. Тифлисъ 1853. См. еще В. Лохтина, *Рѣка Аму и ея древнее соединеніе съ Каспійскимъ моремъ.* СПб. 1879. Эйхвальдъ (*Alte Geographie des Caspischen Meeres.* Berlin 1838) и Гумбольдтъ (*Asie Centrale.* Paris. 1843) признаютъ классическія извѣстія о впаденіи Аму въ Каспій и рядомъ догадокъ стараются примирить ихъ между собою и съ современною географіей.

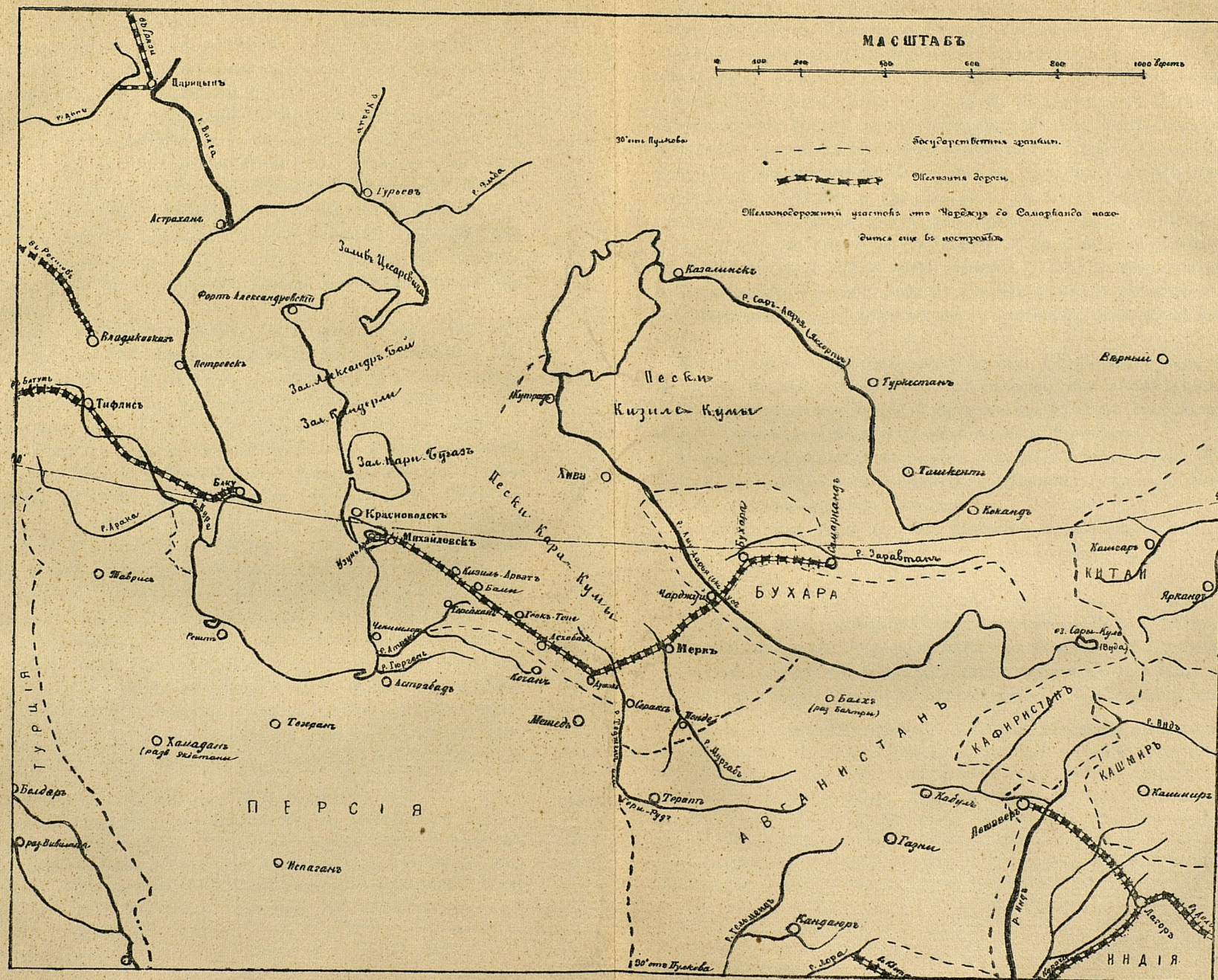
однимъ Арабамъ; такъ уже Гумбольтъ обратилъ вниманіе на то что въ сочиненіи армянскаго писателя Гайтона или Гетума (1305), сообщающемъ много свѣдѣній о странахъ Средней Азіи и сосѣднихъ съ Каспійскимъ моремъ, ни разу не упоминается о восточномъ берегу послѣдняго. *

Во время великихъ переселеній народовъ пространство между Каспійскимъ и Аральскимъ морями осталось въ сторонѣ отъ ихъ путей и лишь монгольская волна залеснула въ этотъ безжизненный уголъ Туркменъ и Киргизовъ. Точное время появленія первыхъ въ этой мѣстности неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ оно довольно отдаленно; въ первой половинѣ прошлаго вѣка они были постепенно вытѣснены съ Мангышлака и Усть-Урта къ югу сперва Калмыками, потомъ Киргизами, занявшими ихъ кочевья.

Торговые пути всегда избѣгали этого дикаго края. Въ пору процвѣтанія арабской торговли караваны изъ Ховарезма и Маверанагра направлялись не къ морю, главному пути ея, а прямо черезъ киргизскую степь на Волгу въ хазарскій Итиль или въ Великіе Болгары, обходя Каспій съ сѣвера. При Татарахъ торговля держалась того же пути къ низовьямъ Волги, а оттуда отчасти Волгой чрезъ Казань и Новгородъ въ Балтійское море, а отчасти Дономъ въ Кафу; въ XIV вѣкѣ она развилась здѣсь настолько что, по словамъ Карамзина, „купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности и, зная что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостиницахъ“. ** Маршруты европейскихъ пословъ XIII вѣка Плано Карпини и Рубрука (и еще раньше обратный путь Земарха), а также пути русскихъ князей ѣздившихъ въ Татарію или Туркестанъ все проходятъ сѣвернѣе Каспійскаго моря, черезъ трудную Киргизскую степь, а не ближайшимъ путемъ по Закаспійскому краю (что, между прочимъ, было бы совсѣмъ невѣроятнo еслибъ Аму-Дарья дѣйствительно впадала въ Каспійское море). Три вѣка

* A. de Humboldt, *Asie Centrale*. Т. II, р. 211.

** *Исторія Государства Россійскаго*, т. IV. гл. III (стр. 118 по второму изданію). Къ сожалѣнію, Карамзинъ не указываетъ откуда онъ почерпнулъ это извѣстіе, которое сильно отзывается восточнымъ преувеличеніемъ. Самъ же онъ немного раньше приводитъ слова Плано Карпини о дорогѣ за Яикомъ въ 1246 году: „Въ этой печальной степи умерли отъ жажды бояре Ярослава, князя Россійскаго, посланные имъ въ Татарію: мы видѣли ихъ кости.“ (Тамъ же, гл. I, стр. 44.)

спустя, вслѣдъ за покореніемъ Астрахани, Дженкинсонъ отправляясь изъ нея въ Ургенчъ и Бухару, слѣдовалъ другою дорогою, а именно онъ переплылъ моремъ на Мангышлакъ и оттуда прошелъ чрезъ Усть-Уртъ въ Хивинскій оазисъ, но въ это время Сарайчикъ и устья Яика находились еще во власти Татаръ и слѣдовательно другой путь былъ прегражденъ. Разрушивъ эту крѣпость, морскіе разбойники, образовавшіе Яицкое казачество, совершили два похода на Хиву, но оба раза они шли отъ верхняго Урала по Илеку и направлялись къ Сыръ-Дарьѣ. Въ послѣдствіи (1717) князь Бековичъ-Черкасскій также двинулся на Хиву сухопутно изъ Гурьева городка. Съ основаніемъ Оренбурга (1735) и учрежденіемъ тамъ ярмарки (1738), главный торговый путь изъ Средней Азіи въ Россію принялъ окончательно это направленіе, то самое которое существовало во времена Болгаръ.*

Итакъ, страны на восточномъ берегу Каспійскаго моря никогда не играли никакой роли въ исторіи, или вѣрнѣе имѣли чисто отрицательное значеніе, представляя изъ себя лишь непродоходимую преграду между Среднею Азіею и Каспіемъ.

Между тѣмъ, достаточно одного взгляда на карту чтобы убѣдиться что именно здѣсь проходить кратчайшій путь изъ Европы къ средне-азіятскимъ оазисамъ.

Этотъ взглядъ былъ брошенъ Петромъ Великимъ.

IV.

Прорубая окно въ Европу, преобразователь Россіи не забывалъ что она стоитъ у воротъ Азіи, но мечталъ сдѣлать ее посредницей торговыхъ сношеній двухъ частей свѣта. Надо помнить что Петръ жилъ въ самый разгаръ отдаленныхъ коло-

* Впрочемъ, хивинская торговля съ Астраханью иногда пользовалась и путемъ чрезъ Усть-Уртъ, то-есть по крайней сѣверной части Закаспійскаго края. Двѣсти лѣтъ послѣ Дженкинсона, Эльтонъ слышалъ что тамъ иногда ходили караваны, но самъ не рѣшился пуститься этою дорогою (Ганвей). Еще чрезъ сто лѣтъ г. Небольсинъ говоритъ: „Караваны изъ Хивы идуть въ Россію двумя путями. Главная масса товаровъ направляется на Оренбургъ; меньшая часть отпуска совершается чрезъ Мангышлакъ въ Астрахань.“ (*Очерки Торговли Россіи со Среднею Азіею*, въ *Зап. II. Р. Г. О.* кн. X. 1855 года). Путь чрезъ Сарайчиковскую крѣпость заброшенъ около половины XIX вѣка, но еще въ XVIII правительство стѣсняло торговлю на нижнемъ Уралѣ чтобы покровительствовать Оренбургу.

мѣльныхъ и торговыхъ предпріятій, когда все государства Европы старались разбогатѣть, направивъ къ себѣ сокровища южныхъ странъ Новаго и Стараго Свѣта; особенною славой пользовались сказочныя богатства Индіи, за торговлю съ которой соперничали въ то время Голландцы, Англичане и Французы, не считая Португальцевъ, уже отгѣсненныхъ на второй планъ. Съ другой стороны, у него предъ глазами былъ примѣръ московскихъ государей, которые со времени Ивана Грознаго настойчиво стремились къ установленію и расширенію сношеній съ азіатскимъ востокомъ, съ Персіей, кавказскими землями и государствами Средней Азіи, Бухарой и Хивой, даже съ Индіей и Китаемъ, отправляя пословъ и купцовъ-ислѣдователей въ эти отдаленныя страны и принимая въ Москвѣ ихъ посольства, заботясь объ улучшеніи каспійскаго судоходства и о сообщеніи купечеству справочныхъ цѣнъ на восточные товары за границей. Вѣрный продолжатель разумныхъ государственныхъ традицій своихъ предшественниковъ, первый императоръ не могъ не раздѣлять этихъ видовъ и не согласовать ихъ съ новыми уроками политической мудрости Запада. Къ тому же постоянная жажда знаній влекла его къ изслѣдованію неизвѣстныхъ странъ, и Петръ задумалъ открыть свой собственный путь въ Индію чтобы воспользоваться, какъ и другіе, выгодами индійской торговли. Путь этотъ долженъ былъ быть почти исключительно водный, преимущественно рѣчной.

Большая часть обширнаго государства Петрова орошалась Волгой и ея притоками; на верхнемъ теченіи ихъ находилось сердце Россіи, области Московская, Тверская, Рязанская, Ярославская. Вмѣстѣ со своими водами, какъ изъ родимыхъ береговъ, Волга непрестанно заноситъ въ Каспійское море частицы русскаго міра, вещественныя и духовныя, которыя понемногу осаждаются у его береговъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ физическимъ процессомъ опрѣсненія Каспійскаго водоема, Волгой совершается и историческій—обрусеніе его.

Высматривая все что обѣщало помочь развитію отечественныхъ силъ, Петръ не могъ не одѣлнить какой несравненный путь сообщенія представляла Волга. Вѣрный своей основной мысли, онъ принялся рыть каналы для соединенія ея съ Чернымъ и Балтійскимъ морями; первый, какъ все Петровы предпріятія относительно Чернаго Моря, остался неисполненнымъ, но второй служить понынѣ первокласснымъ путемъ для торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ помыслы Петра уносились съ волжскимъ теченіемъ на

Востокъ. Тамъ, какъ бы навстрѣчу Волги, за дикими степями, текла по Средней Азіи Аму-Дарья; Петръ слыхалъ, конечно, о прежнемъ впаденіи этой рѣки въ Каспій; во всякомъ случаѣ, до Аму не могло быть далеко отъ его береговъ, а откуда вытекала она, было неизвѣстно, можетъ-быть изъ самой Индіи или изъ Иркети (Ярканды), которая тоже занимала мысль Петра, предполагавшаго въ ней золотыя россыпи.

Обстоятельства, казалось, сами обѣщали навстрѣчу Петровымъ замысламъ. Хивинскіе ханы находились въ постоянныхъ войнахъ съ Туркменами и въ то время обѣ стороны искали покровительства Россіи; изъ Хивы нѣсколько разъ пріѣзжали посольства съ просьбами о помощи и обѣщаніями подданства.* Еще въ 1691 году хивинскій посолъ предлагалъ Петру построить крѣпость на восточномъ берегу Каспійскаго моря для обезпеченія торговли между обѣими странами; а въ 1714 году пріѣхалъ въ Петербургъ туркменскій старшина Ходжа-Нефесъ. Переговоры съ нимъ поручены были крещеному Кабардинцу, князю Александру Бековичу-Черкасскому, которому Петръ довѣрялъ. Ходжа-Нефесъ подтвердилъ что Аму-Дарья прежде впадала въ Каспійское море и разказалъ что она отведена Хивинцами изъ страха Русскихъ, но что ее легко обратить въ старое русло, разрушивъ построенныя ими плотины; кромѣ того, онъ увѣрялъ что по Аму дѣйствительно можно подняться въ Индію и что воды ея содержатъ золото.

Въ это же время въ Петербургѣ находился и новый посолъ отъ Хивинскаго хана, Ходжи-Мугаммеда Богадура, который вообще подтвердилъ показанія Нефеса, обѣщавъ содѣйствіе Хивинцевъ и снова просилъ о возведеніи укрѣпленія. Петръ немедленно поручилъ изслѣдованіе этого дѣла Бековичу и послалъ его съ флотиліей и отрядомъ на Каспійское море; около того же времени, отправляя Волынскаго посломъ въ Персію для устройства торговыхъ сношеній, онъ приказывалъ и ему обратить вниманіе на торговлю съ Индіей.** Между тѣмъ Бековичъ, осмотрѣвъ Балханскій заливъ и часть Узбоя, призналъ ихъ за подлинное

* Правительственное сообщеніе о принятіи Хивы подъ покровительство Россіи было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 5 апрѣля 1703 года.

** Еще ранѣе того, въ 1694 году Петръ отправилъ въ Индію торговаго агента купца Семена Маликова, который, собравъ нужныя свѣдѣнія и получивъ отъ Великаго Могола въ подарокъ Государю слона, во время обратнаго пути умеръ въ Шемахѣ не успѣвъ передать Петру результатовъ своей поѣздки. Во время пребыванія своего въ Амстердамъ Петръ посылалъ въ Индію моремъ князя Ивана Шаховскаго, но результаты его путешествія неизвѣстны.

древнее русло Оксуса, о чемъ и донесъ императору. Петръ вытребовалъ его къ себѣ для личныхъ объясненій и отправляя его вторично (14 февр. 1716 года) далъ ему подробную собственноручную инструкцію, въ которой указывалось построить при бывшемъ устьѣ Аму-Дарьи, возлѣ гавани, крѣпость на 1.000 человекъ, затѣмъ идти въ Хиву подъ видомъ посольства, но съ отрядомъ, вдоль стараго русла до самой плотины, повернувшей рѣку къ Аральскому морю, и буде возможно разорить ее и обратить воды Аму къ старому устью, прочія же русла запереть, а близи разрушенной плотины заложить еще крѣпость; Хивинскому хану предлагалось на этотъ разъ дѣйствительное покровительство въ видѣ русской *гвардіи* для упроченія его шаткой власти надъ подданными, но конечно съ обязательствомъ признать себя вассаломъ Русскаго императора и помогать въ исполненіи его плановъ; утвердившись въ Хивѣ, Бековичъ долженъ былъ вступить въ сношенія съ Бухарскимъ владѣтелемъ, предлагая и ему *гвардію*. Далѣе Бековичу указывалось просить у хана нѣсколько судовъ и людей и отправить ихъ, въ сопровожденіи русскихъ купцовъ, одну партію вверхъ по Сыръ-Дарьѣ къ Иркети, другую по Аму къ Индію. Еще раньше Петромъ отправленъ былъ на Каспійское море лейтенантъ Кожинъ для морскихъ изслѣдованій. Теперь ему поручалось присоединиться къ Бековичу и вести экспедицію въ Индію подъ видомъ купца. Онъ также получилъ собственноручную инструкцію, въ которой предписывалось снимать карты, вести подробный журналъ и главнымъ образомъ изучать рѣки, такъ какъ дѣйствительное его назначеніе было найти водный путь въ Индію. Въ послѣдствіи Бековичъ получилъ уже на походѣ приказаніе Петра отправить черезъ Персію въ Индію знающаго тамошніе языки человека. Бековичъ выбралъ для это мурзу Тевкелева, который отправился немедленно, но выброшенный бурей къ Астрабадскому берегу, былъ взятъ въ плѣнъ мѣстнымъ ханомъ и не могъ исполнить своей задачи.

Въ 1716 году Бековичъ построилъ три укрѣпленія на восточномъ берегу Каспія: 1) въ Тюбъ-Караганской бухтѣ, гдѣ теперь фортъ Александровскій; 2) въ заливѣ Александръ-Бай, на южномъ берегу Мангышлака и 3) на концѣ Красноводской косы, въ маленькой бухтѣ, которая и теперь носитъ его имя, верстахъ въ сорока по берегу отъ современнаго Красноводска *. На неудоб-

* Въ Красноводскѣ существуетъ преданіе что настоящее мѣстоположеніе города выбрано лично Петромъ Великимъ, и даже показывается мѣсто гдѣ онъ будто бы завтракалъ. Между тѣмъ, Петръ никогда не

ства этого мѣста обращалъ вниманіе Кожинъ, который къ этому времени совершенно разсорился съ Бековичемъ и наконецъ, отказавшись слѣдовать за нимъ въ Хиву, отправилъ императору доносъ на своего начальника; за такой поступокъ онъ былъ посаженъ въ тюрьму и вѣроятно былъ бы строго наказанъ еслибы неожиданная гибель его врага не оправдала нѣкоторымъ образомъ его дѣйствій. Въ своемъ обвиненіи Кожинъ, между прочимъ, указывалъ что найденнаго будто бы Бековичемъ древняго устья Аму-Дарьи близъ Балханскаго залива въ дѣйствительности не существуетъ. Для проверки этого вопроса государь отправилъ туда новую партію изслѣдователей подъ начальствомъ лейтенанта князя Урусова, который вполне подтвердилъ показанія Кожина.

Между тѣмъ Бековичъ приступалъ къ исполненію главной части порученнаго ему дѣла; въ его распоряженіи были весьма значительныя средства: почти семитысячный отрядъ и 138 судовъ разнаго рода. Бековичъ отказался отъ утвержденного Петромъ намѣренія идти на Хиву изъ Красноводска черезъ Закаспійскія степи, безъ сомнѣнія убѣдившись въ ихъ непроходимости. Оставивъ въ Красноводскѣ гарнизонъ въ составѣ 1.100 человекъ подъ начальствомъ полковника фонъ-деръ-Вейдена, самъ онъ съ главными силами, всего около 4.000 человекъ, выступилъ изъ Астрахани на Святой Недѣлѣ 1717 въ Гурьевъ, а оттуда черезъ Усть-Уртъ въ Хиву. Пройдя благополучно черезъ степь, онъ наткнулся близъ мѣстечка Порсу на Хивинцевъ въ числѣ до 24.000 и въ трехдневномъ бою разбилъ ихъ, послѣ чего ханъ вступилъ въ переговоры, согласился на все условія Бековича и даже подписалъ договоръ, но затѣмъ, убѣдивъ русскаго военачальника раздѣлить свой отрядъ на мелкія части, истребилъ его почти поголовно; самъ Бековичъ убитъ первый и голова его отправлена въ подарокъ Бухарскому эмиру. По восточнымъ извѣстіямъ объ этомъ событіи разказывается что ссора Бековича съ ханомъ произошла, когда первый потребовалъ чтобы Хивинцы запрудили русло рѣки Аму, шедшее въ Аральское море, и разрушили плотины задерживавшія ея теченіе, а въ отвѣтъ на представленія о трудности такого дѣла хотѣлъ самъ выполнить эти

былъ на восточномъ берегу Каспія. Подобная же басня передавалась г. Спасскому-Автономову въ ф. Александровскомъ (см. *Путевыя записки отъ Баку до устьевъ Урала въ Вѣстн. И. Р. Г. О.* 1854 года, ч. X). Это любопытные примѣры возникновенія мѣстныхъ историческихъ легендъ въ совершенно новыхъ поселеніяхъ, всего черезъ нѣсколько лѣтъ по ихъ основанію.

работы;* не трудно видѣть что слишкомъ усердное исполненіе Бековичемъ мысли Петра грозило полнымъ разореніемъ всей странѣ.

Какъ только разнеслась вѣсть о гибели Бековича, вся степь поднялась противъ насъ. Туркмены немедленно напали на Красноводское укрѣпленіе, и послѣ мужественной защиты остатки его гарнизона, ослабленные болѣзнями и лишеніями, пустились въ море на имѣвшихся у нихъ лодкахъ, но по большей части погибли во время поднявшейся бури и лишь немногіе достигли берега; войска оставленные въ Тюбъ-Караганской бухтѣ, тѣснимыя Калмыками, также бросили крѣпость и съ трудомъ добрались до Астрахани; объ участи же гарнизона Александръ-бая ничего неизвѣстно.

Такъ окончилось это замѣчательное предпріятіе императора Петра. Болѣе полной неудачи нельзя было бы себѣ представить. Неудивительно поэтому что гибель Бековича вошла въ поговорку и что восточно-Каспійскія степи долго внушали нѣчто въ родѣ суевѣрнаго страха нашимъ государственнымъ людямъ.

Русскій государь конечно могъ бы послать новое войско противъ Хивы, чтобъ отомстить за вѣроломное избіеніе перваго отряда, но пользы отъ успѣха было бы немного. Дѣло въ томъ что разысканія Бековича, Кожина и Урусова не могли не доказать Петру что безводная дорога въ Хиву изъ Красноводскаго залива слишкомъ недоступна, а поворотъ сюда Аму-Дарьи невозможенъ, другими словами, что закаспійская пустыня препятствуетъ установленію большого торговаго пути отъ моря въ Хивинскій оазисъ. Такимъ образомъ приходилось отказаться отъ первоначальнаго плана Петрова; оставалось попытаться обойти препятствіе съ сѣвера или юга. Сношенія съ Калмыками и Киргизами и Персидская война соотвѣтствовали такому взгляду.

Послѣ того Петръ еще разъ отправилъ посла въ средне-азійскія ханства—настоящаго посла, безъ отряда, — съемки и описанія восточнаго берега Каспія его моряками также продолжались, но попытокъ занять это побережье, тѣмъ болѣе проникнуть внутрь страны, ни онъ, ни его преемники не повторяли. Не слѣдуетъ думать, однако, чтобы Петръ Великій отказался отъ сношеній съ Индіей. Напротивъ, развившіяся подъ его державой средства Россіи открывали къ тому новые пути. Трудомъ Петра созданъ былъ флотъ и въ послѣдніе годы жизни онъ

* См. Иванина, *Описаніе земнаго похода въ Хиву*. С.-Пб., 1874 года, т. I, стр. 13. Прим.

имѣлъ возможность готовить въ Финскомъ заливѣ эскадру для занятія острова Мадагаскара на общемъ морскомъ пути въ Индію, и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился о развитіи русскаго мореплаванія въ Тихомъ Океанѣ. Извѣстный разговоръ его съ Соймоновымъ въ Аграханскомъ заливѣ * свидѣтельствуетъ однако что Петръ продолжалъ разчитывать главнымъ образомъ на сухопутную дорогу отъ Каспійскаго моря, только направленіе онъ могъ избрать другое, такъ какъ Персидская война отдала въ его руки все побережье Каспія отъ устья Терека до Астрабадскаго залива, который представлялся болѣе удобнымъ торговымъ пунктомъ чѣмъ крѣпости такъ неудачно заложенные Бековичемъ-Черкасскимъ на восточномъ берегу. Итакъ, стремленія Петра были тѣ же, но трудности первоначально избраннаго пути заставили его обратиться къ другимъ. Смерть вскорѣ помѣшала Петру привести въ исполненіе его новыя предположенія и попытки его остались безъ результата. „Планъ Петра: оживить Каспійское море торговлей прилежащихъ къ нему странъ“, говоритъ академикъ Бэръ, „естественно родился изъ географическаго ихъ положенія и только опытъ могъ доказать что земли эти неплодородны и море для плаванія неблагопріятно“. ** Последнія слова показываютъ какъ еще живо было впечатлѣніе Бековичевой неудачи въ половинѣ XIX вѣка.

V.

Слѣдующій опытъ утвержденія какой-либо власти на восточ-

* Во время Персидскаго похода, въ Аграханскомъ заливѣ, близъ устья Терека, уже упомянутый лейтенантъ Соймоновъ въ разговорѣ съ государемъ развивалъ ту мысль что западные Европейцы ѣздить въ Индію дальнимъ морскимъ путемъ, между тѣмъ какъ Русскимъ изъ Камчатки близко. На это Петръ отвѣтилъ: „слушай; я то все знаю, да не нынѣ, да то далеко; былъ ты въ Астрабадскомъ заливѣ? знаешь ли что отъ Астрабада до Балха въ Бухаріи и до Вадактана и на верблюдахъ только двѣнадцать дней ходу, а тамъ во всей Бухаріи середина всѣхъ восточныхъ коммерцій, и видишь ты горы? и берегъ подлѣ оныхъ до самаго Астрабада простирается, и тому пути никто помѣшать не можетъ.“ (См. Соловьева, *Исторія Россіи*, т. XVIII, стр. 41). Надо замѣтить что указанное Петромъ разстояніе отъ Астрабада до Балха слишкомъ мало.

** К. М. Бэръ, *Заслуги Петра Великаго по части распространения географическихъ познаній. Статья вторая*, въ *Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, кн. IV, 1850 года.

номъ берегу Каспія принадлежитъ шаху Надиру. Въ 1743 году по его приказанію Англичане Эльтонъ и Вудруфъ * осматривали Балханскій и Красноводскій заливъ съ цѣлью выбрать мѣсто для постройки крѣпости, откуда Надиръ думалъ содержать въ покорности безлокойныхъ Туркменъ; но подходящаго мѣста ими найдено не было, такъ какъ вездѣ оказывался недостатокъ воды. Вслѣдъ за тѣмъ Персія совершенно ступшевыается на Каспійскомъ морѣ.

Впрочемъ въ теченіе прошлаго вѣка и Россія мало обращала вниманія на Закаспійскія страны. Въ 1759 году графомъ Воронцовымъ учреждена была компанія для торговли на восточномъ берегу Каспія съ Хивой и Бухарой, вѣроятно черезъ Мангышлакъ; въ 1762 году компанія эта, или другая подобная, еще существовала въ Астрахани, но едва ли дѣлала хорошія дѣла, такъ какъ о дѣятельности ея больше никакихъ извѣстій нѣтъ. **

Екатерина Великая, стремясь слѣдовать Петровымъ предначертаніямъ, вспомнила и объ указанномъ имъ пути для торговли съ Индіей. Въ то время (ок. 1775 года) война между морскими державами Запада, стѣснивъ торговое мореплаваніе, сильно уменьшила привозъ европейскихъ произведеній въ Индію, такъ что „Индійцы принуждены были отыскивать ихъ сами сухимъ путемъ и весьма дальнею дорогою, прѣзжая за оными чрезъ Бухару и Хиву въ Оренбургъ“. *** Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, императрица повелѣла въ 1778 году построить въ Казани военную флотилію для Каспійскаго моря, а въ 1781 году назначила командиромъ ея далматинскаго выходца графа Марка Войновича. „Наружный видъ порученія сего состоялъ въ устраниніи и наказаніи хановъ Бакійскаго и Гилянскаго за чинимыя ими русскому купечеству притѣсненія; прямая же цѣль заключалась въ томъ чтобъ основать на Каспійскомъ морѣ русское коммерческое село для распространенія до самой Остѣ-Индіи нашей

* См. выше, стр. 6—8.

** Объ учрежденіи Воронцовской компаніи сообщаетъ М. Н. Галкинъ въ *Этнографическихъ и историческихъ матеріалахъ по Средней Азій*, Спб., 1869, а объ Астраханской компаніи 1762 года г. Руссовъ въ статьѣ *Извѣстія о Хивѣ*, помѣщенной въ *Журн. Мин. Вн. Дѣлъ* 1839, № 10. Оба автора прибавляютъ что больше ничего не знаютъ объ этомъ предметѣ.

*** Габлица, *Историческій журналъ бывшей въ 1781 и 1782 годахъ на Каспійскомъ морѣ Россійской эскадры подъ командой флота капитана 2го ранга графа Войновича*. Соч. К. Г*. Москва, 1809.

торговли. Графъ Войновичъ руководствовался во всемъ повелѣніями князя Потемкина и къ нему единственно относился*, то-есть помимо Суворова, начальствовавшего въ то время въ нашемъ прикаспійскомъ краѣ и имѣвшего также порученіе изыскать способы къ развитію русской торговли съ Хивой, Бухарой и Индіей. Войновичу предписано было сперва осмотрѣть островъ Огурчинскій, жители котораго (Туркмены) просили о постройкѣ русскаго укрѣпленія, и если найдеть это мѣсто удобнымъ для торговой факторіи, основать тамъ поселеніе, назвавъ его *Мелиссополисъ*, т.-е. Пчелинымъ островомъ; въ противномъ случаѣ идти къ Астрабадскому заливу и склонить хана къ добровольной уступкѣ мѣста подъ русское село. Войновичъ избралъ послѣднее. Астрабадскій ханъ Ага-Магометъ сперва принялъ очень сочувственно его предложеніе. Нѣсколько построекъ были возведены на берегу залива съ согласія персидскихъ властей и обнесены укрѣпленіемъ которому Войновичъ предполагалъ дать имя *Мелиссополь*. Эскадра осталась зимовать въ заливѣ, и между Русскими и туземцами установились самыя дружественныя отношенія. Но однажды командиръ и многіе офицеры приглашенные на какой-то праздникъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега были измѣннически схвачены Персами и довольно долго содержались въ плѣну. Наконецъ ихъ выпустили, но не прежде какъ исполнено было требованіе уничтожить построенное укрѣпленіе. Не имѣя средствъ отомстить за понесенное поруганіе, Войновичъ отплылъ съ наступленіемъ весны и на обратномъ пути изслѣдовалъ Красноводскій заливъ и исправилъ карту Соймонова. Екатерина была крайне оскорблена поступкомъ Ага-Магомета, когда же послѣдній сдѣлался Персидскимъ шахомъ, описанное происшествіе послужило однимъ изъ поводовъ столкновенія съ Персіей, разыгравшагося войной уже при Александрѣ Павловичѣ.

Астрабадскій заливъ принадлежитъ скорѣе къ южному побережью Каспійскаго моря, восточный же берегъ его — за исключеніемъ мимолетной попытки шаха Надира — былъ предоставленъ собственной судьбѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія послѣ несчастной экспедиціи князя Бековича-Черкаскаго. Много разъ въ продолженіе этого вѣка разныя племена закаспійскихъ Туркменъ, тѣснимые Киргизами, Хивинцами, Персами и еще болѣе бѣдностью, просили о принятіи ихъ въ русское подданство и

* *Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ*, 1839, № 7. Выписки изъ *Журнала флота кап.-лейт. Радинга, составленнаго 1787 году съ примѣчаніями редактора.*

постройкъ въ ихъ землѣ городовъ, но ходатайства эти всегда оставались безъ успѣха; правительство не считало удобнымъ вступаться въ туркменскія дѣла. Только въ 1813 году во время Персидской войны главнокомандующій въ Грузіи генералъ Ртищевъ вступилъ въ сношенія съ Юмудами для совместныхъ дѣйствій противъ общаго врага. Туркменскіе послы застали Ртищева въ Гюлистанѣ посреди мирныхъ переговоровъ съ Персами. Прибытіе ихъ ускорило заключеніе мирнаго договора, но персидскій уполномоченный потребовалъ чтобы Русское правительство не входило въ сношенія съ Туркменами, и главнокомандующій имѣлъ слабость на это согласиться. Предоставленные собственнымъ силамъ, Юмуды принуждены были покориться Персіи, а наиболѣе упорные откочевали къ сѣверу, подъ покровительство Хивы.

Въ 1819 году А. П. Ермоловъ вернулся къ старой мысли Петра Великаго установить торговыя сношенія съ Хивой отъ Каспійскаго моря и отправилъ къ его восточному берегу двухъ офицеровъ. Майору Пономареву поручено было вступить въ дружескія сношенія съ Туркменами и заручиться ихъ согласіемъ на русское предпріятіе; капитанъ генеральнаго штаба Муравьевъ (знаменитый въ послѣдствіи покоритель Карса) долженъ былъ изучить побережье и затѣмъ отправиться посломъ въ Хиву. Прибывъ въ предѣлы ханства, Муравьевъ былъ заключенъ подъ караулъ подозрительнымъ владѣльцемъ его, который долго не рѣшался допустить русскаго посла до свиданія съ собою. Наконецъ онъ принялъ Муравьева съ должнымъ почетомъ, упомянулъ о своемъ желаніи утвердить дружбу между Хивой и Россіей, но отклонилъ самую суть его предложеній. Любопытна противоположность русскаго и хивинскаго взглядовъ. Первою цѣлью Русскаго правительства было освобожденіе купеческихъ каравановъ отъ грабежей Киргизовъ, которымъ они подвергались на пути къ Оренбургу или Мангишлаку и которыя признавались главною причиною незначительности нашихъ торговыхъ оборотовъ со Среднею Азіей; второе соображеніе было сокращеніе верблюжьей перевозки, — отъ Хивы до Красноводска 17 дней пути, а до Мангишлака 30. Послѣдній доводъ былъ высказанъ Муравьевымъ хану, но тотъ отвѣтилъ что за то Мангишлацкая дорога болѣе безопасна, такъ какъ проходитъ по кочевьямъ покорныхъ ему племенъ, между тѣмъ какъ Юмуды относятся къ Хивѣ враждебно. Въ доказательство дружбы ханъ отпустилъ съ Муравьевымъ и своихъ пословъ, но безо всякихъ полномочій.

Между тѣмъ Пономареву удалось довести до конца дружественные переговоры съ Юмудами кочевавшими у Красныхъ водъ, начатые еще до отбѣзда Муравьева въ Хиву, и Туркмены эти также избрали пословъ для отправленія къ Ермолову.

Въ 1821 году Муравьевъ, уже въ чинѣ полковника, былъ вторично отправленъ на восточный берегъ съ маленькимъ отрядкомъ. На этотъ разъ начиналось исполненіе плана задуманнаго за два года предъ тѣмъ. Цѣлью экспедиціи былъ выборъ мѣста для основанія укрѣпленія и торговой факторіи, которыя должны были, съ одной стороны, упрочить наше положеніе относительно Персіи, Хивы и Бухары, а съ другой, служить складочнымъ пунктомъ для товаровъ ожидающихъ перегрузки съ корабля на верблюдовъ или обратно при развитіи торговли со Среднею Азіею. Муравьевъ имѣлъ съ собою нѣкоторое количество хлѣба и разныхъ русскихъ произведеній которыя долженъ былъ по дешевой цѣнѣ продавать жителямъ чтобы пріохотить ихъ къ торговымъ сношеніямъ съ нами или даже раздавать бесплатно, ибо „цѣль правительства состоитъ въ томъ дабы въ Туркменскомъ народѣ, принятомъ въ покровительство Россіи, поселить добрую къ намъ вѣру и искреннее расположеніе“. * Въ инструкціи начальнику экспедиціи было указано что еслибы какіе-либо Туркмены не подвластные Персіи пожелають принять русское подданство, то привести ихъ къ присягѣ, „однако никакое съ вашей стороны настояніе о сѣмъ, а и того менѣе принужденіе не должно имѣть мѣста“. Для упрядоченія туркменскаго быта и облегченія сношеній правительство желало чтобъ Юмуды признали своимъ главой одного изъ депутатовъ присланныхъ ими въ Тифлисъ, Кіать-Агу, и Муравьевъ сильно хлопоталъ въ томъ смыслѣ, но эти старанія только затрудняли его остальную задачу; взаимная зависть старшинъ стала дѣйствовать заодно съ боязнью Персіи и Хивы противъ русскаго вліянія и ничего положительнаго достигнуто не было. Конечно иначе пошло бы дѣло еслибы начальникомъ надъ Туркменами былъ просто назначенъ самъ Муравьевъ, который сумѣлъ стяжать себѣ общее уваженіе кочевниковъ; черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того члены экспедиціи Дандевіля слышали въ Красноводскомъ заливѣ и на Челекенѣ много разказовъ свидѣтельствовавшихъ о популярности его между Юмудами, которые называли его не иначе какъ „Николай Николае-

* Изъ инструкціи командиру судовъ назначенныхъ подъ начальство Муравьева, въ его *Запискахъ* (еще не напечатанныхъ).

вичъ"; М. Н. Галкинъ передаетъ даже что они выдали Муравьеву нѣчто въ родѣ диплома на почетное гражданство ихъ племени. Въ теченіе лѣта 1821 года Муравьевымъ подробно осмотрѣны берега Красноводскаго и Балханскаго заливовъ съ островомъ Челекенемъ и сдѣланы инструментальныя съемки. При этомъ онъ съ особеннымъ вниманіемъ рылъ повсюду колоды и искалъ прѣсной воды. Результаты однако были не очень удовлетворительны. 21 іюля заложено было временное укрѣпленіе, названное *Вознесенскимъ*, на Красноводской косѣ, верстахъ въ десяти отъ ея начала при материкѣ; въ этомъ укрѣпленіи отрядъ находился нѣкоторое время, но предъ отъѣздомъ его оно разрушено и болѣе не возобновлялось, хотя лучшаго мѣста Муравьевъ не нашелъ. Въ ноябрѣ экспедиція вернулась въ Баку, такъ какъ кончался срокъ командировки, и дѣло затянулось на полвѣка. Предположеніе о постройкѣ укрѣпленной факторіи было скоро оставлено вслѣдствіе недостатка хорошей воды на избранномъ мѣстѣ и вѣроятно отчасти въ виду подозрительнаго отношенія Персидскаго правительства къ появленію Русскихъ на восточномъ берегу Каспія. Между тѣмъ, при Ермоловѣ мы дѣйствовали съ большою рѣшимостью сравнительно съ предыдущимъ и послѣдующимъ временами.

Въ 1822 году Муравьевъ издалъ книгу о своей первой поѣздкѣ,* въ которой сверхъ разказа о личныхъ приключеніяхъ помѣщены *Записки о Хивѣ*. Въ послѣднихъ авторъ, между прочимъ, доказываетъ исполнимость мечты Петра Великаго и разсматривая торговлю страны, говоритъ: „Караваны и теперь ходятъ изъ южныхъ странъ въ Хиву, и потому только торговля сія не довольно значительна что они подвергаются частымъ грабежамъ отъ кочующихъ народовъ. Если же бы Хива была въ нашихъ рукахъ (что весьма не трудно исполнить), тогда кочующіе народы Средней Азіи опасались бы нашей власти и торговые пути учредились бы чрезъ Индусъ, Аму-Дарью и Россію... Островъ сей среди песчанаго океана сдѣлался бы средоточіемъ всей азіійской

* *Путешествіе въ Туркменію и Хиву*. Москва, 1822. Въ настоящее время въ *Русскомъ Архивѣ* печатаются весьма интересныя подлинныя *Записки* Муравьева и послѣдніе нумера касаются какъ разъ описываемаго времени. Благодаря любезности почтеннаго издателя *Архива* П. И. Бартенева, я имѣлъ возможность слегка ознакомиться съ частью еще не напечатанныхъ главъ, за что приношу ему мою искреннюю признательность.

торговли и поколебать бы сильное торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи. Торговые же пути изъ Хивы въ Астрахань можно бы весьма облегчить, ибо отъ Ургенджа до Красноводскаго залива всего 17 дней хода, а оттуда до Астрахани при полутномъ вѣтрѣ нѣсколько дней плаванія.“ * Соображенія эти были гораздо менѣ замѣчены въ Россіи чѣмъ въ Англіи.

Около этого времени мысль объ открытіи торговлѣ рѣчнаго пути въ Индію изъ Средней Азіи стала подниматься съ другаго конца, то-есть изъ Индіи Англичанами, которые уже овладѣли такъ или иначе всею Индостаномъ и приблизившись къ долинѣ Инда, еще занятой независимыми владѣніями Лагора и Синда, изъ-за нихъ бросали взгляды на Среднюю Азію. Въ 1830 году, по порученію генералъ-губернатора Индіи, капитанъ Бёрнзъ совершилъ путешествіе вверхъ по Инду и затѣмъ чрезъ Афганистанъ, Бухару, Хиву, Мервъ, а по возвращеніи настаивалъ на возможности и выгоде для Англичанъ завести торговые сношенія по этому направленію. Еще раньше, въ 1729 году, поручикъ остъ-индской службы Конолли, выѣхавъ изъ Лондона, проѣхалъ черезъ Россію въ Персію, а оттуда хотѣлъ пробраться въ Хиву и подняться вверхъ по Аму-Дарѣ въ Индію, но боязнь быть схваченнымъ Туркменами заставила его предпочесть путь черезъ Мешедъ, Гератъ и Кветту. Конолли обращалъ особое вниманіе на виды англійской торговли въ тѣхъ мѣстностяхъ и пришелъ къ убѣжденію что установленіе судоходства по Инду откроетъ Англичанамъ все рынки Средней Азіи до Бухары включительно. Онъ предвидитъ однако затрудненіе еслибы Русскимъ удалось утвердиться въ Хивѣ, но все же не вѣритъ въ предположенія Муравьева, слова котораго принимаетъ, впрочемъ, за выраженіе императорской политики. ** Съ самой поѣздки Бёрнза Индійское правительство не переставало стараться всеми силами объ открытіи Инда

* Стр. 102.

** *Journey to the North of India overland*, etc. by Lieut. Arthur Conolly. 2 vol. second edition. London 1838.

Любопытны бываютъ англійскіе переводы. Выраженіе Муравьева „поколебать“ сильное торговое преимущество властителей морей въ самой Индіи“, у Конолли передано такъ: „shaking to its very centre the enormous commercial superiority of the dominators of the sea“ (потрясти до самаго сердца огромное торговое превосходство властителей морей). Новѣйшіе публицисты идутъ дальше, они совсѣмъ выпускаютъ слово *торговое* и исказивъ такимъ образомъ эту отрывочную фразу, доказываютъ ею что Россія стремится завоевать Индію (См. напр. *Russian*

англійскому судоходству и наконецъ достигло своей цѣли. Въ 1835 году первый пароходъ появился на Индѣ подъ командой лейтенанта Вуда. Въ 1836 году Бёрнзъ, Вудъ и другіе поплыли вверхъ по рѣкѣ насколько было возможно, а затѣмъ разбрелись изучать верховья Инда и Аму-Дарьи. Начальникъ экспедиціи Бёрнзъ имѣлъ гласное порученіе, заключить торговый договоръ съ Афганистаномъ и Бухарой, и негласное, склонить средне-азіятскія ханства къ заключенію союза противъ Россіи. Эта *торговая* политика кончилась неудачей первой Афганской войны.

Между тѣмъ, со времени Ермолова русская власть стала дѣйствовать еще осторожнѣе относительно Закаспійскаго края. Даже хивинскій походъ Перовскаго изъ Оренбурга не былъ поддержанъ со стороны Каспійскаго моря. Расширеніе торговли, правда, продолжало признаваться желательнымъ, но предъ всякими мѣрами для того правительство отступало. Только ученые экспедиціи: Карелина и Блаرامберга въ 1836 году и полковника Дандевилля въ 1859 продолжали изученіе восточнаго берега; но всѣ просьбы Туркменъ или русскихъ торговцевъ встрѣчали отказъ, коль скоро онѣ относились къ какому-либо болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Наша многолѣтняя слабая политика имѣла естественнымъ послѣдствіемъ что закаспійскіе Туркмены бросались въ объятія Хивы или Персіи, противъ которыхъ они прежде искали покровительства Россіи, а на послѣднюю стали смотрѣть какъ на врага. Такъ созданъ былъ невыносимый порядокъ дѣлъ для торговли, а въ послѣдствіи, вступивъ въ Закаспійскій край, мы должны были улобною борьбой завоевать положеніе которое раньше предоставлялось намъ почти безъ затрудненій.

Въ сороковыхъ годахъ замѣчательна дѣятельность одного частнаго лица, Платона Васильевича Голубкова, который думалъ возбудить интересъ къ торговому пути въ Индію черезъ Каспійское море изданіемъ переводовъ лучшихъ сочиненій объ Индіи и Средней Азіи. Голубковъ ошибся въ этомъ разчетѣ какъ ошибся принимая Балханскій заливъ за устье рѣки Теджена.

projects against India, by Sutherland Edwards, London, 1885, гдѣ цѣлая глава посвящена Муравьеву). Цѣль подобныхъ передержекъ возбудить вражду къ Россіи и прикрыть воинственныя предпріятія Индійскаго правительства. Припомнимъ что въ 1839 году англійское министерство не постыдилось представить парламенту подложные документы съ обвиненіями противъ Россіи чтобы добиться большинства по вопросу объ Афганской войнѣ. Исторія послѣдняго разграниченія доказала что съ тѣхъ поръ добросовѣстности у Англичанъ не прибавилось.

Выше было разказано какимъ образомъ необходимость обезпечить безопасность плаванія по Каспійскому морю заставила наконецъ устроить одну за другою три морскія станціи; здѣсь можно прибавить что при основаніи Ново-Петровскаго укрѣпленія (нынѣ форта Александровскаго) имѣлось отчасти въ виду и оживленіе торговыхъ караванныхъ сношеній съ Хивой, а также лучшее наблюденіе за Киргизами, которые издавна считались русскими подданными, но и послѣ того до самой хивинской экспедиціи нерѣдко оказывали большее послушаніе хану чѣмъ русскимъ властямъ.

Между тѣмъ, со времени Петра Великаго положеніе Россіи въ Средней Азіи измѣнилось весьма существенно. Старинный повѣствователь о посольствѣ князя Бековича-Черкаскаго, посвятившій свою книгу императрицѣ Екатеринѣ, разказавъ какъ принялъ Петръ извѣстіе объ истребленіи экспедиціи, прибавляетъ: „а затѣмъ имѣлъ въ Высочайшемъ своемъ разсужденіи, чтобы, елико возможно будетъ, стараться, во первыхъ, Киргизъ-Кайсацкія орды склонить къ россійской сторонѣ, а потомъ чрезъ нихъ Высочайшее свое намѣреніе со временемъ въ дѣйствіе произвести.“ *

Почти полтора столѣтія лѣтъ понадобилось для исполненія первой половины этой программы, но она достигнута; лаской еще болѣе чѣмъ силой Киргизы „склонены“ окончательно. Къ серединѣ текущаго столѣтія русская граница сошлась со средне-азіатскими ханствами.

Съ тѣхъ поръ событія пошли быстро; въ 1865 году взяли Ташкентъ, въ 1866—Ходжентъ, въ 1868—Самаркандъ. Кокандъ и Бухара приведены были въ покорность, а изъ завоеванныхъ у нихъ земель образовано Туркестанское генералъ-губернаторство. Одна Хива, гордясь многократною неудачей русскихъ походовъ и полагаясь на непроходимость своихъ степей, не только не смирялась, но становилась все болѣе враждебною, хотя уже охватывалась съ трехъ сторонъ русскими владѣніями. Подъ вліяніемъ хивинскихъ подстрекательствъ степь волновалась, грабежи участились и дерзость кочевниковъ дошла до такой степени что въ 1869 году Киргизы сдѣлали внезапное нападеніе на Александровскій фортъ и осаждали его до прибытія подкрѣпленій съ Кавказа. Приходилось готовиться къ новой хивинской экспедиціи и сообщеніе это было не чуждо принятому наконецъ правительствомъ рѣшенію занять Красноводскъ.

* Могутовъ, *Рѣдкое и достопамятное извѣстіе о бывшей изъ Россіи въ великую Татарію экспедиціи подъ именемъ посольства князя Бековича-Черкаскаго*. Спб. 1777.

VI.

Осенью 1869 года на западномъ берегу Каспія сосредоточенъ былъ экспедиціонный отрядъ численностью до 1.000 человекъ подъ начальствомъ полковника Столѣтова; непосредственною цѣлью экспедиціи было избраніе и занятіе наиболѣе удобнаго пункта въ Красноводскомъ заливѣ не только для укрѣпленія, но и для торговой факторіи; кромѣ того, начальнику отряда было поручено собрать побольше свѣдѣній о странѣ къ востоку отъ залива, о путяхъ отъ него къ ближайшимъ мѣстностямъ Средней Азіи и о торговомъ движеніи по нимъ, а также завязать сношенія съ окрестными Туркменами. 29 октября отрядъ отплылъ изъ Петровска, а 5 ноября высадился въ бухтѣ Муравьева.

Съ этого дня начинается упорная борьба между русскими войсками и пустыней, борьба, которая длилась семнадцать лѣтъ и только теперь оканчивается на нашихъ глазахъ.

Утвердившись въ Красноводскѣ, полковникъ Столѣтовъ занялся обрекогносцированіемъ близъ лежащей мѣстности, а одинъ изъ офицеровъ экспедиціи, штабъ-ротмистръ Скобелевъ, осмотрѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи путь къ Хивѣ. Въ 1870 году начальник отряда занялъ еще нѣсколько пунктовъ въ степи. Отъ Красноводскаго залива въ его южной части отдѣляется другой заливъ и далеко углубляется въ материкъ; Столѣтовъ далъ ему названіе Михайловскаго, въ честь Великаго Князя, Намѣстника Кавказа, и въ концѣ его построилъ укрѣпленіе того же имени. Отсюда онъ двинулся внутрь страны и занялъ урочища Молла-Карры на Узбоѣ и Ташъ-Арватъ-Кала у подножія Большихъ Балханъ, а затѣмъ готовился сдѣлать большую рекогносцировку къ югу до Атрека, когда Туркмены-Текинцы внезапно напали на Михайловскій постъ. Чтобъ отомстить за это нападеніе, которое сдѣлалось началомъ жестокой борьбы, маленькій русскій отрядъ двинулся къ Ахаль-Текинскому оазису и дошелъ до Кизиль-Арвата, его крайняго поселенія къ западу, слишкомъ въ 200 верстахъ отъ Михайловскаго залива. Туркмены отступали безъ боя и отрядъ не встрѣтилъ ни одного Текинца до самаго Кизиль-Арвата, гдѣ одинъ взялъ въ плѣнъ и одинъ убилъ. Найдя этотъ пунктъ пустымъ и простоявъ въ немъ нѣсколько дней, Столѣтовъ вернулся къ морю. Въ своемъ донесеніи объ этомъ движеніи онъ указывалъ что пройденный имъ путь есть ближайшій къ Ахальскому оазису и чрезъ него въ Хоросанъ и Афганистанъ.

Въ слѣдующемъ году Столѣтовъ былъ замѣненъ подполковникомъ Маркозовымъ, который продолжалъ систему военныхъ движеній въ разныхъ направленія для изученія страны. Такъ въ 1871 году онъ занялъ Чикишляръ, мѣсто на берегу Каспійскаго моря недалеко къ сѣверу отъ впаденія Атрека; за то всѣ другіе пункты занятые Столѣтовымъ, кромѣ Красноводска, онъ очистилъ въ виду трудности снабжать ихъ провіантомъ.*

Было бы долго и утомительно для читателя описывать всѣ эти экспедиціи, тѣмъ болѣе что онѣ всѣ похожи другъ на друга. Постоянно повторялось одно и то же затрудненіе, для перевозки воды и провіанта нужно было имѣть много верблюдовъ, взять ихъ было негдѣ; Туркмены отказывались поставлять ихъ по найму и приходилось прибѣгать къ силѣ, но всякій разъ ихъ оказывалось недостаточно. Для примѣра возьмемъ большую рекогносцировку 1872 года по дорогѣ къ Хивѣ. Сперва предполагалось выступить изъ Чикишляра, гдѣ думали легче найти верблюдовъ, но это оказалось невозможнымъ; въ Красноводскѣ также ихъ добыли недостаточно, и потому база экспедиціи была перенесена на 75 верстѣ восточнѣе, къ колодцу Белекъ, на берегу мелководнаго Балханскаго залива, куда запасы кое-какъ доставлялись на судахъ; отсюда отрядъ долженъ былъ постепенно подвигаться къ Узбою, стараясь силой добывать себѣ верблюдовъ. Лѣто и половина осени прошли въ томъ что обѣ колонны, Чикишлярская и Красноводская, загоняли туркменскія стада или останавливали караваны идущіе изъ Хивы, чтобы набрать перевозочныя средства. Въ октябрѣ началось движеніе въ сторону Хивы; верблюдовъ все-таки не хватало; приходилось дѣлать маленькіе переходы и возвращать ихъ назадъ за новыми грузами; такимъ образомъ одинъ эшелонъ изъ трехъ ротъ употребилъ восемь дней чтобы пройти 10½ верстѣ. Кромѣ того, на пути устраивались маленькія укрѣпленія, гдѣ оставлялись части отряда и тяжестей. Отрядъ дошелъ до колодцевъ Игды, но далѣе идти не могъ; Маркозовъ, оставивъ часть людей и запасовъ у одного изъ колодцевъ по пути, со всѣми верблюдами повернулъ къ югу въ Ахаль-Текинскій оазисъ и прибылъ въ Кизиль-Арватъ 25 октября. Отсюда, сдѣлавъ набѣгъ черезъ нѣсколько ближайшихъ ауловъ, онъ послалъ верблюдовъ за оставленными въ степи людьми

* Вслѣдствіе недостатка и неудовлетворительнаго качества воды въ Красноводскѣ въ 1871 году тамъ установленъ опреснительный аппаратъ для перегонки морской воды.

и выюками; часть послѣднихъ пришлось однако предать огню за невозможностью перевезти ихъ. Цѣлый мѣсяцъ Маркозовъ простоялъ въ Кизиль-Арватѣ, ожидая чтобы всѣ части отряда подтянулись; наконецъ началось отступление въ Чикишляръ, куда отрядъ прибылъ 18 декабря; возвращеніе было едва ли не труднѣе, ибо и люди и животныя ослабли въ высшей степени; изъ 1.600 верблюдовъ взятыхъ въ походъ, только 635 вернулись въ Чикишляръ, но и здѣсь падежъ ихъ не прекращался. Изъ этого примѣра можно видѣть съ какого рода трудностями приходится имѣть дѣло въ степномъ походѣ.

Тѣмъ не менѣе было рѣшено что Красноводскій отрядъ приметъ участіе въ назначенномъ на 1873 годъ Хивинскомъ походѣ и отрядъ Маркозова оставленъ на зиму въ Чикишляръ чтобы люди привыкли къ странѣ и климату. Съ зимы же начались заботы о заготовленіи для похода верблюдовъ. Задача была трудная. Туркмены не только безусловно не соглашались отдавать своихъ верблюдовъ, но даже открыто приняли сторону Хивы и стали нападать на Русскихъ, скрываясь затѣмъ въ Персію. Попробовали достать верблюдовъ для Красноводскаго отряда на Мангышлакъ, но и тамъ Киргизы взбунтовались. Чтобы добыть самое необходимое, Маркозову пришлось перейти Атрекъ, составлявшій персидскую границу, и отбить у Юмудовъ сколько можно было верблюдовъ. Набѣгъ этотъ далъ 3.000 головъ, а съ имѣвшимися раньше у отряда образовалось предъ выступленіемъ 3.100 верблюдовъ; людей въ отрядѣ было 2.205, а лошадей 508.

Отрядъ Маркозова выступилъ въ срединѣ марта и подвигался съ необыкновенными трудностями. Людямъ приходилось идти по мягкому, горячему песку, среди пыли подымаемой многими тысячами ногъ, подъ нестерпимо-знойными лучами солнца и при недостаткѣ воды; неудивительно что то и дѣло они падали отъ жажды и иногда не могли болѣе подняться. Между тѣмъ безводные переходы становились все длиннѣе и длиннѣе. Еще прежде чѣмъ дойти до колодца Игды отрядъ пострадалъ гораздо больше чѣмъ въ предыдущія экспедиціи. Отсюда начиналась незнакомая часть пути; надо было перейти къ колодцу Орта-Кую, до котораго по разспросамъ было три перехода безъ воды, а затѣмъ оставалось еще безводныхъ 200 верстъ до начала Хивинскаго оазиса. Переходъ отъ Игды къ Орта-Кую отрядъ оказался не въ силахъ сдѣлать; часть его была вынуждена свернуть въ сторону къ колодцу Бала-Ишемъ, откуда привезли воды

оставшимъ и испытывающимъ безъ силъ въ пустынь. 20 апрѣля Маркозовъ отдалъ приказъ объ обратномъ движеніи и, по мнѣнію военныхъ авторитетовъ, только тѣмъ спасъ свой отрядъ отъ неминуемой гибели. * Побѣда осталась на сторонѣ пустыни.

Кромѣ Красноводскаго, другой отрядъ съ восточнаго берега Каспійскаго моря принялъ участіе въ Хивинскомъ походѣ, а именно Мангишлакскій отрядъ полковника Ломакина. Выступивъ частью изъ форта Александровскаго, частью изъ залива Кундерли, южнѣ Александръ-Бая, находившіяся подъ его начальствомъ войска послѣ довольно значительныхъ затрудненій и нѣкоторой опасности остаться безъ воды дошли до западнаго берега Аральскаго моря и соединились съ генераломъ Верекинскимъ шедшимъ изъ Оренбурга. Исторія взятія Хивы извѣстна; несмотря на громадныя разстоянія раздѣлявшія русскіе отряды и на трудности степнаго похода, концентрическое движеніе ихъ удалось съ такою точностью что обѣ главныя колонны подошли къ Хивѣ одновременно, не установивъ между собою сообщенія и Оренбургскій отрядъ штурмовалъ сѣверныя ворота города въ то время какъ изъ южныхъ воротъ его жители выносили ключи начальнику Туркестанскаго отряда, генералу Кауфману.

Послѣ заключенія мира, бывшій въ отрядѣ Ломакина подполковникъ Скобелевъ сдѣлалъ рекогносцировку того пути по которому не могъ пройти Маркозовскій отрядъ. Паденіе Хивы завершило покореніе Туркестана. Всѣ три ханства его составлявшія признавали себя вассалами Россіи. Правый берегъ Аму-Дарьи отъ ея устья до Бухарской границы присоединенъ къ русскимъ владѣніямъ. Выше оба берега объявлены принадлежащими Бухарѣ до мѣстечка Ходжа-Сале, а верхнее теченіе рѣки отъ самаго ея истока изъ озера Сары-куль на Большомъ Памирѣ до означеннаго Ходжа-Сале признано по англо-русскому соглашенію 1873 года границей между Афганистаномъ и подвластными Россіи владѣніями Бухары и Коканда, предѣломъ за который не должны были проникать англійскія претензіи и интересы. Кокандское ханство въ 1876 году окончательно присоединено къ Россіи, а по договорамъ заключеннымъ съ Хивой и Бухарой, послѣ взятія первой изъ нихъ, Россія выговорила себѣ право судоходства по Аму-Дарьѣ и устрой-

* Всѣ подробности о дѣйствіяхъ Маркозова изложены по Гродекову, *Описаніе Хивинскаго похода 1873 года*. С.-Петербургъ, 1883, 1 томъ и *Война въ Туркменіи*. С.-Петербургъ, 1883—4. 4 тома.

ство складовъ по ея берегамъ; что касается Сырь-Дарьи, то она вся отъ истока до устья течетъ по государственной территории Россіи. Такимъ образомъ средне-азиатскіе рѣчные пути, къ которымъ такъ стремился Петръ Великій, были открыты для русской торговли и военные пароходы Аральской флотиліи сдѣлали нѣсколько опытовъ плаванія по нимъ. Между тѣмъ открывшимися выгодами для торговыхъ сношеній не пользовался никто; сама Аральская флотилія скоро была уничтожена въ виду того что даже топливо для пароходовъ приходилось привозить *на верблюдахъ* изъ Россіи. Главный путь изъ Азіи въ Европу, какъ и прежде, шелъ на Оренбургъ, по направленію почти перпендикулярному къ теченію Аму-Дарьи, параллельному широкой степной преградѣ, которая продолжала неодолимо разделять бассейны Каспія и Арала. Понятно что чѣмъ сильнѣе развивалась экономическая и государственная жизнь по обѣ стороны этой пустынной полосы, тѣмъ докучнѣе становилось препятствіе представляемое ей непроходимостью.

Еще до Хивинской экспедиціи, немедленно послѣ занятія Красноводска, когда можно было льстить себя надеждой что Хива одумается и добровольно вступитъ въ миролюбивыя отношенія къ Россіи, обращено было вниманіе на то что путь въ Хиву изъ Красноводска самый короткій и мѣстныя власти старались завести по этому направленію караванную торговлю. Въ 1871 году извѣстный инженеръ г. Шавровъ издалъ весьма замѣчательную брошюру подъ названіемъ *Путь въ Центральную Азію по направленію указанному Петромъ Великимъ*, въ которой предлагалъ постройку желѣзной дороги отъ какого-либо пункта Красноводскаго залива къ Аму-Дарьѣ въ предѣлахъ Хивинскаго ханства. Это, насколько мнѣ извѣстно, первый разъ что высказывалась мысль о Закаспійской желѣзной дорогѣ, хотя и въ другой формѣ, чѣмъ та въ которой она нынѣ осуществилась; брошюра эта интересна еще въ томъ отношеніи что она впервые ставитъ вопросъ, къ которому мы подробно вернемся ниже, о наилучшемъ начальномъ пунктѣ для желѣзной дороги на берегу Каспійскаго моря и указываетъ единственный вѣрный путь для разрѣшенія его въ сравнительномъ разчетѣ стоимости постройки желѣзнодорожной вѣтви къ Красноводску вдоль Балханскаго залива или устройства порта въ Михайловскомъ заливѣ. Надо сказать однако что мысль г. Шаврова не имѣла вліянія на ближайшія событія. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ рекогносцировки русскихъ отрядовъ знакомили насъ съ необыкновенными трудностями движенія

черезъ Закаспійскія степи, Красноводскій путь въ Хиву все болѣе отходитъ на второй планъ, а несчастный исходъ экспедиціи Маркова въ 1873 году окончательно укрѣпилъ за пустыней репутацію недоступности. Это убѣжденіе въ связи въ смутно сознаваемой необходимостію связать Среднюю Азію съ Каспіемъ не могло не породить попытокъ измѣненія безотраднaго характера закаспійской степи, и въ семидесятихъ годахъ мы видимъ цѣлый рядъ изслѣдованій стремящихся поворотить Аму-Дарью въ Балханскій заливъ, но о желѣзной дорогѣ отъ моря до рѣвки за это время нѣтъ и ломина.

Отъ Красноводскаго залива открывался еще другой путь черезъ степи, на юго-востокъ, а именно отъ Михайловскаго укрѣпленія къ селенію Кизиль-Арвату, лежащему по западной окраинѣ Ахальскаго оазиса. Еще Столѣтовъ указывалъ на краткость степнаго перехода по этому направленію, всего около 200 верстъ; за Кизиль-Арватомъ начинается Ахаль, который тянется длинною узкою полосой между песчаною равниною и горною цѣлью Колетъ-Дага, орошаемый многочисленными ручьями текущими съ послѣдняго. Оттуда, какъ извѣстно, было по разспросамъ, шель удобный путь въ Мервъ и далѣе въ Герать. Еще Стебницкій въ своихъ *Запискахъ о Туркменіи* *, упоминая объ этомъ мало изслѣдованномъ въ то время пути, говоритъ что „еслибы современемъ могли установиться торговые сношенія отъ Каспійскаго моря къ Афганистану и верхней Индіи, то указанный выше путь, по всей вѣроятности, могъ бы имѣть большое значеніе. При ближайшемъ изслѣдованіи быть-можетъ окажется что на этомъ пути наиболѣе удобно и устройство желѣзной дороги“. Слова эти, оказавшіяся почти пророческими, затеряны въ большой спеціально-географической статьѣ, написанной въ 1871 году, то-есть когда не прошло еще увлеченіе первыхъ нашихъ усилій на восточномъ берегу Каспія. Позднѣе, какъ уже сказано, препятствія стали выступать наружу гораздо рельефнѣе удобствъ. Въ семидесятихъ годахъ путь отъ Михайловскаго залива въ Кизиль-Арватъ не видѣлъ и того ограниченнаго караваннаго движенія которое было установлено между Красноводскомъ и Хивой. Дѣло въ томъ что путь этотъ велъ въ самую дикую часть Средней Азіи, прямо въ разбойничьи гнѣзда Текинцевъ Ахала и Мерва и другихъ кочевниковъ, къ которымъ еще не проникалъ не одинъ иностранецъ, иначе

* Напечатаны въ *Зап. Кавк. Орд. И. Р. Г. О.*, кн. VIII, 1873, стр. 39.

какъ плѣнникомъ и рабомъ. Хотя на этомъ пространствѣ всего слабѣе была естественная преграда пустыни, но за то тутъ-то именно можно было встрѣтить самое упорное сопротивленіе со стороны людей.

VII.

Вслѣдъ за паденіемъ Хивы образованъ былъ Закаспійскій отдѣлъ, военно-административная единица, обнимавшая весь восточный берегъ Каспійскаго моря и подчиненная кавказскому наместнику. Первымъ начальникомъ отдѣла былъ полковникъ Ломакинъ, выдвинувшійся удачнымъ походомъ съ Мангшлака въ Хиву. Мѣстопробываніемъ его назначенъ Красноводскъ и вся южная часть степи должна была находиться въ непосредственномъ его завѣдываніи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ въ форть Александровскомъ прѣбывалъ подчиненный ему уѣздный начальникъ. Главною задачею новаго администратора было ввести порядокъ и благоустройство въ умиротворенную степь.

Хивинскій разгромъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ кочевниковъ, которые прежде находились между двумя боровшимися вліяніями, русскимъ и хивинскимъ, и не совсѣмъ были увѣрены на чьей сторонѣ окажется превосходство силы. Киргизы занимавшіе Усть-Уртъ были теперь рѣшительно ограждены отъ единственнаго враждебнаго Россіи вліянія, которое мѣшало имъ быть вполне надежными русскими подданными. Туркмены разныхъ родовъ, поселенные на окраинѣ Хивинскаго оазиса, сами извѣдали тягость русскаго оружія и могли считаться усмирненными окончательно. Юмуды кочевавшіе между Атрекомъ и Балханскими горами всегда были болѣе прочихъ Туркменъ склонны къ мирному поведенію относительно Русскихъ, которые, владѣя Каспійскимъ моремъ, были ихъ непосредственными соседями и только подстрекаательства изъ Хивы ихъ иногда возбуждали къ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Теперь уваженіе къ русской власти и нѣкоторое гражданское устройство было безъ труда введено между ними. Такимъ образомъ ничто повидимому не препятствовало мирному развитію Закаспійскаго отдѣла, то есть степей лежащихъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, до тѣхъ предѣловъ куда распространялось русское вліяніе. Къ несчастію вліяніе это чувствовалось не очень далеко, а за его предѣлами господствовали только анархія, грабежи и Текінцы.

Туркмены рода Теке въ XVIII вѣкѣ обитали между Каракумскою пустыней и сѣвернымъ Хоросаномъ въ не разъ уже назван-

номъ оазисѣ Ахала. * Со смерти Надиръ-шаха они принимали постоянное участіе въ смутахъ волновавшихъ эту часть Средней Азіи, ища въ нихъ только грабежа, и приобрѣли славу большой воинственности и необыкновенной жестокости. Въ особенности страдало отъ ихъ набѣговъ осѣдлое населеніе смежныхъ персидскихъ владѣній. Къ серединѣ XIX вѣка Текинды размножились настолько что не могли уже умищаться на тѣсномъ пространствѣ Ахала и стали искать себѣ новыхъ земель, которыя конечно имъ приходилось отбивать отъ сосѣдей. Часть Текинцевъ подъ предводительствомъ Кошутъ-хана двинулась на востокъ. Нѣсколько разъ приходилось имъ переходить съ мѣста на мѣсто, смотря по переменной удачѣ въ постоянной войнѣ со всеми окрестными народами. Наконецъ счастье рѣшительно перешло на сторону Кошутъ-хана. Въ 1855 году онъ разбилъ близъ Серакса войска Хивинскаго хана Магомета-Эмина, а самаго его убилъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ изгналъ изъ Мерва туркменское племя Сарыковъ, занимавшее этотъ оазисъ со времени разрушенія прежняго Мервскаго царства Бухарцами въ концѣ прошлаго вѣка; здѣсь на рѣкѣ Мургабѣ Текинды построили плотину Кошутъ-ханъ-бендъ, которая дастъ имъ возможность орошать ихъ незатѣпливыя поля. Въ 1861 году Кошутъ-ханъ разбилъ на голову большое персидское войско напавшее на него и овладѣлъ всею артиллеріей и обозомъ. Съ тѣхъ поръ Текинды оставались безпорными хозяевами Мерва и стали дѣлиться по мѣсту жительства на Мервъ-Теке и Ахаль-Теке. Впрочемъ дѣленіе это не соответствовало ихъ дѣленію по родамъ, такъ какъ почти все Ахальскіе Текинды имѣли родичей въ Мервѣ, что конечно способствовало сохраненію связи между обоими разбойничьими гнѣздами. Ахаль-Текинды въ то же время не прекращали своихъ постоянныхъ нападеній на Персовъ и сосѣдей своихъ Туркменъ Юмудовъ и Гоклановъ. Въ шестидесятыхъ годахъ между ними особенно прославился удачными набѣгами Нуръ-Верды-ханъ, который и былъ избранъ ханомъ Ахала.

* Въ 1750 посланецъ новаго хана Киргизской Малої Орды Нураіа, отправленный къ различнымъ племенамъ Туркменъ, привезъ, между прочимъ, свѣдѣніе что „Текинды радовались извѣстію о возведеніи Нураіа въ ханы, и обѣщали быть послушными ему и вѣрными Ея Императорскому Величеству“. (Вельяминова-Зернова, *Историческія извѣстія о Киргизъ-Кайсакахъ въ Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1853).

Мы уже видѣли что съ перваго появленія Русскихъ въ Красноводскомъ заливѣ Текинцы объявили себя нашими врагами. Во время Хивинской экспедиціи движенія отряда Маркозова въ степи заставило Ахаль-Текинцевъ готовиться къ оборонѣ отъ возможнаго нападенія, такъ что они не могли подать помощи Хивинцамъ. Что касается Мервцевъ, то чувствуя свою солидарность съ хищниками, которыхъ наказывало русское оружіе, они также вполне ожидали нападенія русскаго отряда на ихъ страну и принялись за постройку огромной крѣпости, куда они могли бы укрыться со своими стадами; надъ этимъ сооруженіемъ, получившимъ названіе Коушутъ-ханъ-калы, работало все населеніе, и многоверстный, четырехсаженный валь свидѣтельствуетъ понинѣ и о размѣрѣ опасеній Текинцевъ и о рѣшимости ихъ оказать упорное сопротивленіе. Крѣпость не была однако достроена, такъ какъ Русскіе и не думали двигаться къ Мерву, а скоро послѣ этихъ событій Коушутъ-ханъ умеръ и на его мѣсто выбранъ былъ Нуръ-Верды-ханъ, который такимъ образомъ сдѣлался начальникомъ всего текинскаго племени. Не надо думать однако чтобъ это званіе давало ему дѣйствительную власть надъ своевольными соплеменниками.

Гроза лоразившая Хиву и хивинскихъ Туркменъ въ 1873 году сперва произвела сильное впечатлѣніе на Текинцевъ, и многіе изъ нихъ стали склоняться къ мнѣнію о необходимости жить въ мирѣ съ Россіей. Но съ прекращеніемъ опасности ослабло и мирное настроеніе. Съ Текинцами повторилось то же явленіе что съ Хивой послѣ покоренія Бухары и Коканда. То обстоятельство что наши войска не напали на нихъ объяснялось недоступностью для Русскихъ окружающей пустыни и выставлялось ручательствомъ на будущее время. Ослабленіе большей части сосѣдей и постоянныхъ противниковъ Текинцевъ казалось имъ собственнымъ усиленіемъ и, кромѣ того, представляло чрезвычайно выгодное условіе для увеличенія грабежей, прекращеніе которыхъ было главнымъ требованіемъ Русскаго правительства. Наконецъ дѣйствовало и постороннее вліяніе. Различныя англійскіе политическіе и торговые агенты въ Персіи и Афганистанѣ сносились съ Текинцами письмами или чрезъ безыменныхъ клевретовъ и даже любознательные англійскіе путешественники изъ офицеровъ, которые что-то часто стали появляться въ сѣверной Персіи въ семидесятыхъ годахъ, по собственному сознанію, не брезгали давать этимъ дикарямъ совѣты по части фортификаціи и военнаго искусства, а также и политики въ смыслѣ вражды къ

Россіи. Такимъ образомъ между Текинцами образовалась и росла сильная партія проповѣдывавшая священную войну противъ Русскихъ; въ особенности враждебно были настроены Мервцы, которые чувствовали себя сравнительно безопасными, зная что сотни верстъ пустынь отдѣляютъ ихъ отъ русскихъ владѣній. Съ другой стороны, было также не мало людей не признававшихъ возможнымъ и нужнымъ вступать въ борьбу съ Россіей и совѣтовавшихъ держаться мирной политики; послѣдніе естественно преобладали въ западной части Ахальскаго оазиса, болѣе всѣхъ подверженной нападению со стороны Каспійскаго моря. Поэтому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ письма съ выраженіями дружбы и покорности чередовались съ вооруженными нападеніями. Этимъ же объясняется почему въ Красноводскѣ долго вѣрили въ возможность мирнаго разрѣшенія *текинскаго вопроса*, между тѣмъ какъ пограничныя власти русскаго Туркестана, имѣвшія свѣдѣнія преимущественно изъ Мерва, напротивъ считали неизбѣжнымъ вооруженное столкновеніе.

Такимъ образомъ и у Текинцевъ, и у насъ замѣчался двойственный взглядъ на взаимныя отношенія. Впрочемъ, Русское правительство, всегда неохотно рѣшавшееся на всякое предпріятіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря, старалось избѣжать движенія впередъ и надѣялось имѣть возможность оставаться въ покоѣ отъ текинскихъ дѣлъ.

Но обстоятельства довольно скоро убѣдили въ противномъ. Такъ, напримѣръ, Туркмены Юмуды, принявъ русское подданство и отказавшись отъ разбоя, естественно ожидали что Россія защититъ ихъ отъ постоянныхъ враговъ—Текинцевъ, которые еще усилили свои нападенія, объясняя ихъ местию за покорность Юмудовъ предъ Русскими.

Скоро послѣ образованія Закаспійскаго отдѣла его начальникъ представилъ предположеніе о занятіи всего нижняго теченія Атрека и образованіи для этой цѣли особыхъ мѣстныхъ войскъ, назначеніе которыхъ было бы охраненіе степной границы и борьба съ Текинцами. Но мысль эта не была одобрена отчасти вслѣдствіе упомянутаго выше взгляда правительства, отчасти оттого что на исполненіе ея требовался расходъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Поэтому полковникъ Ломакинъ долженъ былъ ограничиться такими же военными прогулками по степи какъ его предшественникъ, а на нападенія Текинцевъ отвѣчалъ маленькими экспедиціями въ ихъ страну, которыя однакоже не могли достигнуть цѣли, такъ какъ Текинцы отступали предъ ними и

опять принимались за разбои по ихъ возвращеніи. Между тѣмъ снаряженіе этихъ экспедицій даже на короткое время все-таки обходилось довольно дорого, такъ какъ онѣ должны были снабжаться продовольствіемъ на все время похода и возить его за собою. Въ 1877 году сдѣлана была экспедиція въ нѣсколько большихъ размѣрахъ; отрядъ Ломакина опять двинулся изъ Михайловскаго залива черезъ степь и занялъ Кизиль-Арватъ. Текинцы, какъ и прежде, уклонялись отъ рѣшительнаго боя, но нападали на отдѣльныя части занимавшіяся фуражировкой или пастьбой выючнаго скота. Простоявъ въ Кизиль-Арватѣ пока взятый съ собою провіантъ не пришелъ къ концу, Ломакинъ тѣмъ же путемъ вернулся къ морю не достигнувъ никакого результата.

Между тѣмъ англійскіе проеки усиливались, и фактическая безнаказанность ободряла Текинцевъ къ дальнѣйшимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, колебля въ нихъ уваженіе къ силѣ Россіи. То же впечатлѣніе распространялось и въ сосѣднихъ азіатскихъ странахъ, такъ что даже русскій посланникъ въ Тегеранѣ обращалъ вниманіе правительства на важность скорѣйшаго усмиренія Текинцевъ для политическаго положенія Россіи.

Многочисный опытъ доказалъ къ тому времени совершенную безуспѣшность отдѣльныхъ экспедицій, имѣвшихъ характеръ набѣговъ. Дѣйствуя въ пустынной мѣстности, онѣ должны были имѣть съ собою обозъ со всѣмъ потребнымъ продовольствіемъ, и это обстоятельство съ одной стороны лишало войска необходимой подвижности, съ другой, ограничивало срокъ похода и не позволяло углубляться далеко внутрь страны. Между тѣмъ самая организація этихъ обозовъ, которые могли быть только выючными, была и затруднительна и дорога. Не малымъ неудобствомъ было и то что при каждомъ новомъ движеніи противъ непріятеля приходилось начинать походъ отъ морскаго берега и вновь проходить самую тяжелую пустынную часть пути.

Вслѣдствіе этого выработанъ новый планъ дѣйствій, состоявшій въ томъ чтобы занять постояннымъ образомъ какой-либо пунктъ у входа въ Ахальскій оазисъ, къ которому и подвозить необходимые припасы, а оттуда уже содержать въ лоکورности Текинцевъ, наказывая ихъ нападеніями и усиливая своею близостью партію дружелюбно къ намъ расположенную. Въ январѣ 1879 году въ Петербургѣ происходило совѣщаніе, на которомъ присутствовали министры Военный и Иностранныхъ Дѣлъ; рѣшено было нанести Текинкамъ окончательное пораженіе и, какъ

сказано, занять стратегическій пунктъ у входа въ ихъ страну, послѣ чего предполагалось устроить рядъ укрѣпленій въ степи для охраненія русской границы.

Начальникомъ въ новый походъ назначенъ былъ одинъ изъ героев Турецкой войны, генералъ Лазаревъ, и экспедиціи приданы значительные размѣры; теперь уже не жалѣли сотенъ тысячъ. Лазаревъ избралъ базой для экспедиціи Чикишляръ, откуда хотя и дальше до Ахала, но путь проходитъ отчасти въ долину Атрека и его притоковъ и потому менѣе безводенъ чѣмъ отъ Красноводскаго и Михайловскаго заливовъ. Всего труднѣе конечно было организовать перевозочныя средства. На пространствѣ ближайшемъ къ Чикишляру возможно было пользоваться колесною перевозкой, а именно арбами, доставленными съ Кавказа, но при томъ онѣ должны были перевозить и кормъ для собственныхъ лошадей, такъ какъ на дорогѣ его не было. Для дальнѣйшей перевозки необходимы были верблюды, которыхъ на этотъ разъ собрано было съ большимъ трудомъ 6.700 головъ и какъ ни желательно было найти ихъ еще, но это оказалось невозможнымъ. При движеніи къ Ахалу путь отряда шелъ сперва отъ Чикишляра прямо чрезъ степь до Атрека, затѣмъ вверхъ по этой рѣкѣ до впаденія въ нее Сумбара и вверхъ по послѣднему до Терсакана, гдѣ устроено было укрѣпленіе; отсюда рѣка сворачивала къ востоку, а путь наступленія продолжалъ идти на сѣверо-востокъ по гористой мѣстности до перевала Бендесенъ, за которымъ открывался спускъ въ Ахальскій оазисъ, куда дорога выходила близъ селенія Беурма лежащаго восточнѣ Кизиль-Арвата и крайняго пункта, до котораго доходили предшествовавшія русскія экспедиціи. Вереть на сто далѣе къ юго-востоку находилась построенная Текинцами крѣпость Геокъ-Теле, въ которой собралось все населеніе Ахала, готовясь дать Русскимъ отчаянный отпоръ.

Генералъ Лазаревъ заболѣлъ во время приготовленій къ походу и умеръ предъ началомъ рѣшительнаго наступленія; начальство надъ экспедиціей, какъ старшій по чину, принялъ еще разъ генералъ Ломакинъ.

Нѣтъ нужды описывать подробно грустныя событія этого похода. Русскія войска двинулись на штурмъ текинской крѣпости не произведя даже основательной рекогносцировки и послѣ упорнаго боя были отбиты въ замѣнательствѣ и съ большимъ урономъ. Переночевавъ въ вагенбургѣ, близъ мѣста сраженія, они на слѣдующій день отступили къ ближайшей рѣчкѣ, а оттуда,

за неимѣніемъ запасовъ провіанта, вынуждены были вернуться въ Беурму. Здѣсь генераль Ломакинъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ выяснилось что недостатокъ продовольствія и верблюдовъ для подвоза его не позволяетъ оставить отрядъ въ Ахальскомъ оазисѣ, вслѣдствіе чего рѣшено было отступить еще до Терсакана. Въ половинѣ сентября прибылъ вновь назначенный начальникъ экспедиціи генераль Тергукасовъ и найдя полное разстройство во всемъ, нужду въ продовольствіи, отсутствіе перевозочныхъ средствъ, пришелъ къ заключенію что надо начинать дѣло съ самаго начала и не только очистилъ Терсаканъ, но и сталъ перевозить войска обратно на Кавказъ. Вскорѣ генераль Тергукасовъ также заболѣлъ и оставилъ командованіе готовившеюся экспедиціей.

Между тѣмъ Текинды, которые въ первую минуту и не подозревали что одержали рѣшительную побѣду и опасались, ожидая на утро втораго штурма, замѣтивъ отступление Русскихъ, сперва слабо преслѣдовали ихъ, потомъ ободрившись совершенно и послѣ очищенія нами ихъ страны съ новою энергіей принялись за набѣги на своихъ сосѣдей, Юмудовъ и Персовъ, и черезъ нѣкоторое время стали даже нападать на русскія укрѣпленія.

Въ первый разъ Русскіе были разбиты въ Средней Азіи.

VIII.

Не можетъ быть сомнѣнія что начальники руководившіе военными дѣйствіями 1879 года дѣлали крупныя промахи, которыми всего ближе объясняется неудача штурма Геокъ-Теле, но отбитый штурмъ самъ по себѣ еще не составляетъ рѣшительнаго пораженія, вызывающаго совершенную эвакуацію непріятельской страны и отступление на нѣсколько сотъ верстъ. За неудачнымъ штурмомъ можетъ слѣдовать сейчасъ же или черезъ нѣкоторое время другой, удачный, или начаться правильная осада крѣпости, такъ бывало раньше и въ Средней Азіи, такъ было на примѣръ подъ Плевной,—послѣ 30 августа—12 октября и 28 ноября. Для этого нужно только чтобы наступающія войска могли остаться на мѣстѣ и были обезпечены необходимымъ для нихъ продовольствіемъ. Вотъ этого-то послѣдняго условія и не было у генерала Ломакина; ему приходилось отступать къ своимъ запасамъ, которые оказывались такъ малы что истреблялись отрядомъ скорѣе чѣмъ могли вновь быть пополняемы, вынуждая такимъ образомъ

дальнѣйшее отступленіе къ слѣдующему складу, тамъ повторялось тоже самое, пока наконецъ не достигался пунктъ гдѣ подвозъ могъ уравновѣсить расходъ. Выше было сказано что пріемникъ Ломакина генераль Лазаревъ былъ вынужденъ переправлять войска обратно на Кавказъ.

Снабженіе дѣйствующаго отряда было устроено столь неудовлетворительно, потому что между мѣстомъ военныхъ дѣйствій и Чишкиляромъ, откуда начиналась сухопутная доставка, было болѣе четырехъ сотъ верстъ пустыни, въ которой встрѣчались и горы, и солончаки, и лески, которая не могла дать никакого продовольствія, гдѣ перевозка необходима была верблюжья и требовала гораздо больше верблюдовъ чѣмъ ихъ имѣлось или можно было достать, а между тѣмъ къ какимъ только средствамъ не прибѣгали! Такимъ образомъ, истинною причиною нашей полной неудачи была пустыня. Давно уже она ревниво отдѣляла море отъ оазиса, препятствовала движенію Русскихъ на Востокъ и наконецъ вновь одержала надъ ними жестокую побѣду. Поневолѣ начинало возникать сомнѣніе возможно ли справиться съ грозною покровительницею Текинцевъ.

Ахаль-Текинская экспедиція 1879 года была предпринята, потому что признавалось невозможнымъ для политическаго положенія Россіи въ Азіи долѣе оставлять безнаказанною дерзость этихъ хищниковъ, и вдругъ, вмѣсто ожидаемаго наказанія, Текинцы получили безпримѣрное торжество надъ русскимъ оружіемъ! Впечатлѣніе было громадно на всемъ Востокѣ; Россія стала подозрѣваться въ безсиліи справиться съ маленькимъ полукочевымъ народцемъ. А между тѣмъ, въ то же время наши соперники Англичане одерживали неожиданныя побѣды въ Афганистанѣ и ловко эксплуатировали въ свою пользу такое различіе. Даже на отношеніяхъ къ намъ Китая отразилось вліяніе Геокъ-Текинскаго пораженія.

До этого въ Россіи мало кто интересовался текинскими дѣлами, но теперь народное самолюбіе было задѣто за живое и страна ждала мстительнаго похода. Правительство со своей стороны твердо рѣшилось загладить блистательнымъ успѣхомъ позоръ нанесеннаго погрома; ошибкамъ и неудачамъ болѣе не оставалось мѣста. Начальникомъ новой экспедиціи назначенъ былъ М. Д. Скобелевъ, а средства для успѣха ея должны были измѣряться одною потребностью. Съ конца 1879 года началось обсужденіе плана и способовъ предпріятія; отъ компетентныхъ

лицъ затребованы были письменные отзывы; въ главномъ штабѣ открылись совѣщанія при участіи высшихъ военныхъ властей...

Задачу предстояло рѣшить не легкую. Въ теченіе десятилѣтія перепробованы были разныя системы дѣйствій въ Закаспійскомъ краѣ, но всё онѣ оказались недостаточными чтобы побороть трудности представляемыя страной. Приходилось сознаться что употребленныя до сихъ поръ средства были неспособны доставить намъ желанный успѣхъ, что надо было прибѣгнуть къ чему-нибудь новому, призвать на помощь могучихъ союзниковъ противъ враждебной природы. Сама собою рождалась мысль о желѣзной дорогѣ, которая одна могла бы уничтожить разстояніе служившее дотолѣ препятствіемъ движенію и какъ бы зачеркнуть пустыню. Многіе отзывы запрошенныхъ лицъ, бывшихъ на Кавказѣ и въ Закаспійскомъ краѣ и знавшихъ по опыту всё затрудненія съ которыми приходилось имѣть дѣло для перевозокъ въ степи, всё усилія и старанія которыя тщетно были потрачены на ихъ организацію, положительно указывали на необходимость построить желѣзную дорогу чрезъ труднѣйшую часть пути отъ моря до начала оазиса. Въ совѣщаніи при главномъ штабѣ также „крупное большинство высказывалось за исполненіе экспедиціи съ помощью желѣзной дороги и безъ нея рѣшительно не видѣло никакого исхода“.*

ЮРІЙ МИЛЮТИНЪ.

* Гродековъ. *Война въ Туркменіи*, стр. 181.